

Андрей Пятчиц

РУСЬ ВЕЛИКАЯ, НО ДЕЛИМАЯ

Андрей Пятчиц

Русь великая, но делимая

«Издательские решения»

Пятчиц А.

Русь великая, но делимая / А. Пятчиц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510910-1

Избавиться от стереотипов сложно. В книге рецептов нет, но есть возможность поупражняться в области истории, лингвистики, логики. Свободный от идеологических реверансов, автор предлагает взглянуть на проблему споров о происхождении Руси самостоятельно и сделать выводы по-новому. Читателям представлены мысли, заслуживающие называться открытиями. Монография адаптирована для аудитории с высоким уровнем интеллекта и удовлетворит читательское любопытство тех, кто готов к осмысленному занятию.

ISBN 978-5-00-510910-1

© Пятчиц А.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
О корнях. Вместо предисловия	6
Глава 1. Античные источники	11
Геродот	11
Гиппократ	12
Аристотель	13
Екатей Авдерский	14
Глава 2. Первые средневековые сведения о «людях рос»	16
Бертинианская летопись	16
Лиутпранд Кремонский	17
Ибн Фадлан	18
«Роуськаіа правда»	25
Глава 3. Этимология термина «рос»	29
Rudhira – ρως – rhos	29
Рос: экзоэтноним или эндоэтноним?	33
Красные от меди	34
Похоронный обряд	36
Одежда	36
Глава 4. «Рос» и принятие христианства	44
Глава 5. Русь, какая ты?	57
Русь Московская	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Русь великая, но делимая

Андрей Пятчиц

Корректор Полина Фадеева

Корректор Марина Крокх

Графика Элиза Осмо

Дизайнер обложки Дарья Плюх

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

Редактор Марина Крокх

© Андрей Пятчиц, 2020

© Дарья Плюх, дизайн обложки, 2020

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-0910-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

О корнях. Вместо предисловия

По поводу происхождения терминов «Русь», «русы» существует достаточно много различных, часто противоречащих друг другу гипотез. Практически все они укладываются в рамки двух основных теорий: скифо-сарматскую (славянскую) и норманнскую. Приверженцы обеих выдвинули множество версий, но на получение однозначного и, главное, бесспорного ответа на этот вопрос приходится только надеяться. В белорусской историографии данной проблеме серьёзного внимания не уделялось. Её если и рассматривали, то в контексте с общим термином «Русь» для всех восточных славян. Отдельно практически не рассматривалась и проблема территорий, входящих в состав современной Беларуси. Особенностью исследования данной темы относительно белорусских земель является то, что по ним на протяжении столетий проходит граница двух культур – западной (европейской) и евроазиатской (русской). Это накладывало определённый идеологический отпечаток на мнения исследователей, ограничивая их определёнными рамками, косвенно или непосредственно ставя в зависимость от официальных идеологий, довлевших в каждый исторический период.

Если взглянуть на проблему происхождения термина «Русь» чуть внимательнее, то становится очевидным, что камнем преткновения в разногласиях сторонников обеих теорий являются не столько лингвистические, сколько политические проблемы, выступающие *sine qua non* её существования. Это вполне объяснимо и даже закономерно, потому что начало дискуссиям положили не учёные, а враждебные друг другу политики: Йохан III Ваза (1537—1592 гг.), глава Шведского королевства, стремившийся расширить владения на восток, и не менее энергично расширявший границы своей державы в обратном направлении Иван IV Грозный (1530—1584 гг.). Любопытно, что в жилах обоих текла скандинавская кровь, чем и тот, и другой очень гордились. Московский царь не упускал случая напомнить окружающим, что род его берёт своё начало от самого Рюрика-варяга, у его оппонента острой необходимости в таких напоминаниях не было – о его шведском происхождении все знали. В принципе, оба государя были убеждёнными норманистами, так как выясняли сугубо внутренний, почти династический вопрос: чьи потомки первыми начали управлять на интересующем обоих участке земного шара. В основе дискуссии лежала банальная проблема права собственности, которая с течением времени приобрела политический характер, расширилась, обросла в той или иной степени авторитетными мнениями специалистов, но к окончательному решению не приблизилась и актуальности не потеряла. В процессе придания большей весомости политическим аргументам проблема первенства пополнилась многочисленными вопросами, призванными обосновать изменения социально-экономического характера на Евразийском континенте. И едва ли не витринным вопросом в этом деле стала этимология слова «Русь» и его производных.

У серьёзных западных историков происхождение этого термина больших вопросов не вызывает. Рационалистическое видение предмета давно сформировалось и представляет собой, как правило, перечисление существующих гипотез. Намного больший интерес западные специалисты уже давно проявляют к изучению не собственно указанной темы, но политических явлений, непосредственно или косвенно с ней связанных (панславизм, народничество, более локализованные националистические движения и т.д.). Существование двух точек зрения, норманнской и славянской, расценивается и изучается ими не как сугубо историческая проблема, но как политическое явление, существующее и уже имеющее свою собственную историю развития. Иными словами, западных учёных больше интересуют «плоды», нежели досконально изученные «корни».

В изучении темы на Западе исходят из конкретного и недвусмысленного свидетельства автора «Ипатьевской летописи»:

«И изгнаша Варягы за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на род, и быша оусобищъ в них. И воевати сами на ся почаша. И ркоша поищемъ сами в собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и радилъ по раду, по праву. Идоша за море к Варягом к Руси. Сіце бо звахуть ты Варягы Русь, аeko се дружины зовутся Свее, дружины же Оурмани, Аньгланы, инѣи и Готы, тако и си. Ркоша Руси Чюдѣ, Словенѣ, Кривичи, и вса: земля наша велика, и обильна, а наряда въ ней нѣтъ. Да поидете княжити и володѣти нами. И избрашася триє брата с роды своими, и поеха по собѣ всю Русь, и придоша къ Словѣномъ пѣрвѣе. И срубиша город Ладогу. И съде старѣишии в Ладозѣ Рюрикъ, а другии Синѣоусъ на Бѣльозерѣ, а третѣи Труворъ въ Изборьскѣ, и в тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля»¹.

*«(В год 6370) изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть. И не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: „Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву“. И пошли за море к варягам, к руси... Сказали руси **чудь, славяне, кривичи** и **весь** (выделено нами): „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами“. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам раньше. И сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, на Белоозере, а третий, Трувор, в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля». (Слово «Русская» со сдвоенной буквой «с» меняет смысл текста «Ипатьевской летописи». В отрывке выделено нами. — Прим. автора).*

Путь «из варяг в греки».

Европейским учёным приведённого отрывка из старейшего исторического источника, составленного монахом Нестором о восточнославянских племенах, достаточно, хотя и понятно, что никаких прочных связей между названными племенами не было. К примеру, те, кого называют «кривичами», не могли быть чем-то единым и не отличающимся, потому как одни кривичи жили на Пелопоннесе, а другие рядом с Балтикой... Объединяло их в какой-то степени только одно: во всех регионах кривичи тесно взаимодействовали с варягами. Прекрасно образованный византийский император Константин VII Багрянородный (905—959 гг.),

¹ «Ипатьевская летопись», год 6370 от сотворения мира (862 от Р.Х.)

упоминая восточнославянские земли, пишет о том, что кривичи делают лодки, на которых русы ходят в Царьград. Но это не могли быть кривичи с Волги (или могли, но в меньшей мере) – они, скорее, «сотрудничали» с хазарами и печенегами. И дреговичи или радимичи, жившие на землях современной Беларуси, не могли. Поэтому утверждать о всеобщей похожести и строить на этом основании некие прочные «единые» политические образования нелогично. На протяжении истории таких образований было много, но прочней и уютней выглядят монокультурные скандинавские страны.

Это ещё одно недвусмысленное подтверждение: кривичи и славяне (значит, были и другие славянские племена, чему есть множество свидетельств) отделяются древним автором от угро-финнов (чудь) и руси. Нестор даже называет достаточные по тем временам «паспортные данные» и степень родства руководителей этой руси: имена, место службы и должность.

Совершенно иначе выглядит ситуация в Восточной Европе, прежде всего в России, где проблема происхождения всегда была более актуальной, в какой бы форме она не существовала, что совершенно оправдано и понятно, ведь вопрос этот касается России непосредственно. Внимание к нему то усиливается, то ослабевает, но не исчезает окончательно уже на протяжении многих столетий. Всякий раз, когда в силу тех или иных социально-экономических или политических причин в России начинает активно использоваться лозунг «Мы русские!», с новой силой поднимается дискуссия и по поводу этимологии названия «Русь».

Общим основанием для сторонников *скифо-сарматской* (славянской или антинорманнской) и *норманнской* гипотез являются одни и те же исторические источники: летописи, довольно конкретно излагающие факты; сведения, часто обрывочные и не очень ясные, почерпнутые из трудов античных авторов или из работ древних византийских, германских, персидских и арабских историков; дошедшие до нас в разной форме легенды и сказания, а также результаты археологических раскопок, только в меньшей степени.

Обращает на себя внимание то, что сторонники антинорманнских взглядов обычно рассматривают восточных славян как некую общую группу племён или народов, которые берут своё начало от одного или нескольких основных корней, преимущественно восточных: славянских, сарматских, скифских и даже арийских.

Косвенно это объясняется влиянием на сторонников названных теорий российской имперской политики, стремившейся объединить всех славян под эгидой одной титульной нации с центром в Москве. Советская политика в этом смысле практически не изменилась. Согласно официальной идеологии, русский народ оставался «старшим братом» для всех прочих народов, входивших в состав СССР, невзирая на то, что Киев, к примеру, столица очень далёких предков современных украинцев, не то что был основан, но уже крещён в 988 году, а первое упоминание о Москве, традиционно считающейся самой важной столицей русских, датируется 1147 годом (что уж говорить о намного более древних культурах среднеазиатских народов). Как возразить на такое «старшинство» жителю Самарканда, одного из самых древних городов мира? «Старшего брата» назначил тов. Сталин – значит, так тому и быть; и не стесняться, а думать, какое значение усмотреть в этом решении... Не обошла стороной эта же участь и белорусов. Перед самым развалом СССР многие древние города Беларуси внезапно «помолодели» на один-два века: даты основания на постаментах-символах городов были изменены. Причина, судя по всему, проста: города «младших братьев» не должны быть старше Москвы. Ничего из ряда вон выходящего в этом нет. Практически все народы, на том или ином этапе достигавшие более высокого уровня развития, чем входившие в сферу их влияния прочие народы, при

формировании собственного самосознания стремились и будут стремиться настолько возможно глубже «протянуть» свои корни во времени.

Норманисты тоже расценивают восточных славян как едва ли не единый народ, но, в отличие от своих оппонентов, почти однозначно отводят главную роль в формировании государственности славян варягам-скандинавам. Для норманистов основой для происхождения «русских» как народа является основополагающим заявление древнего автора: «Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». Совершенно очевидно, что «русь» – это варяги, будущая элита. С этим спорить трудно. Они и дали название новому формирующемуся народу, в который влиялись названные чудь, самые разные славянские, угро-финские, балтские и прочие племена.

Длящиеся уже несколько столетий дискуссии на эту тему можно если не прекратить, то ослабить их накал, обратившись к этой проблеме с другой стороны: принять во внимание тот факт, что все многочисленные древние восточнославянские народы, проживавшие на территории от Прикаспийских степей до Балтики, изначально имели между собой существенные различия самого разнообразного характера, поэтому считать их неким единым «монолитным» народом по меньшей мере странно.

Помимо естественных различий, вызванных в той или иной степени компактным и автономным проживанием на огромном пространстве, на формирование каждого из этих племён или племенных союзов равно влияли и культуры их ближайших соседей (в том числе и не славян), и конкретные геополитические процессы, участниками которых они стали волею судьбы.

Белорусы в этом контексте не только не исключение, но типичный, едва ли не хрестоматийный пример. На протяжении веков территории, входящие в состав современной Беларуси, были ареной для столкновения западноевропейской культуры с формировавшейся под сильным влиянием Востока российской (евро-азиатской) культуры. Оставив явные языковые различия и примеры многочисленных вооружённых конфликтов, когда древним жителям белорусских земель (литвинам), исторически всегда более связанным с восточной формой христианства, приходилось быть противниками своих восточных соседей (Ливонская война; Лжедмитрий, в войске которого было больше жителей белорусских земель (литвинов), чем исконных поляков²; восстания XIX века и т.д.), обратимся к более мирным примерам фольклорного характера. Национальная одежда белорусов по внешнему виду намного ближе к западнославянской, и даже литовской, чем к исконно русским кафтанам и сарафанам³, женским височным украшениям и кокошникам, возникшим под неоспоримым влиянием восточных культур. Подобным образом отличаются белорусские народные сказки, которые по содержанию тяготеют к поучениям морального характера, основанным на описании обыденных бытовых ситуаций. Для сказок же восточных соседей белорусов типичен сюжет, когда желаемая цель достигается более мистическим образом и, как правило, неожиданно («по щучьему веленью», посредством «золотой рыбки» или в результате недолгого, хотя и изнурительного похода «за тридевять земель», к обычным бытовым ситуациям имеющего слабое отношение).

Различий такого рода у славян достаточно много, но, несмотря на них, все относящиеся к этой категории народы объединяются одним общим географическим термином «русь», непосредственно связанным с этнонимами «росы», «русы», «русские», «малороссы», «белорусы», «русины» и т. п. Гипотезы о происхождении термина «Русь» становятся ещё более запутанными и порой противоречивыми, когда рассматриваются с уточняющими терминами-прилагательными: *Киевская, Московская, Литовская, Красная, Белая, Чёрная, Великая, Малая*.

² Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. – Москва. Изд. «Книга», 1990. С. 626. – По свидетельству Костомарова, во время бунта, поднятого заговорщиками против царя Дмитрия (Лжедмитрий), глава заговора В. Шуйский под звук набата кричал в разъярённую толпу: «Литва собирается убить царя и перебить бояр, идите бить Литву!» (имелись в виду жители Литовской Руси).

³ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Изд. «Астрель», 2003. С. 212, 561.

Призванные более точно выделить из общего понятия «Русь» мелкие специфические составляющие, они вызывают ещё больше предположений, на которые в рамках основной темы стоит обратить особое внимание.

Глава 1. Античные источники

Рассмотрим вкратце некоторые источники, на которых основывают свои выводы представители обоих направлений.

По сложившейся традиции считается, что впервые термин «*рось*», от которого происходит и более позднее понятие «*Русь*», имеющий прямое отношение к восточным славянам, упоминается в так называемой Бертинианской хронике⁴. Данная хроника является точно датированным источником, содержащим сведения о реально произошедшем историческом событии. В применимом к истории славян контексте названный термин действительно упоминается впервые, но он ещё не приобрёл географической смысловой нагрузки, будучи употреблённым в отношении неких «людей рось», а не к конкретной территории. Право первенства присвоено этому документу на основании того, что он составлен в связи с подлинными событиями и тем самым отличается от имеющихся в распоряжении специалистов прочих, в том числе и более ранних источников, носящих скорее описательный, этнографический характер, основанных на легендах или неких иных сведениях, полученных от неизвестных третьих лиц и записанных тем или иным автором.

К таким источникам относятся труды древнегреческих авторов, которые если и не использовали напрямую интересующий нас термин «рось», то связывали его смысл с определёнными объектами и явлениями. Предметное и смысловое значение лексических единиц «скифы», «Скифия», «гиперборейцы» и «Гиперборея» позднее станет ассоциироваться с лексемой «рось». В некотором смысле значение, вкладываемое в термин «рось» древними историками, ближе значению, которым наделил его автор Бертинианской хроники, чем к приобретённому им позднее и в значительной мере потеснившему первоначальные смысловые нагрузки территориально-административного понятия «Русь».

Сведения, содержащиеся в трудах античных авторов, касаются также и географических понятий, но, в силу объективных причин, они не точны и имеют приблизительно-описательный характер. Тем не менее, в совокупности оставленная нам этими авторами информация позволяет составить достаточно точную, но весьма условную картину внешнего облика и зоны проживания тех, кого они имели в виду. Даже не зная, чем это закончится, ввели путаницу в дело древние греки. Очень авторитетные, но всё же греки.

Геродот

«Отец истории» Геродот не употребляет термин «*ρως*» [рос], но приводит точные названия племён, объединённых греками под общим названием «*Σκυθαί*» [скифы] и имеющих общие характеристики с теми, кого спустя почти столетие Аристотель обозначит как «скифы-рос (ь)», впервые введя этот термин в научный оборот. Описав этих людей не как некий единый народ, Геродот разделяет их на племена, подтверждая свою информированность в данном вопросе и обоснованность такого деления достаточным количеством деталей: описание климатических условий в зоне их проживания (холод, длящийся восемь месяцев в году, снег, замёрзшие реки, отсутствие землетрясений, дождливое лето и т.д.), различия в роде занятий (земледельцы и разводящие скот кочевники), обычаи (в том числе и погребальные), гастрономические привязанности и прочее. Ещё одна немаловажная деталь: основоположник истории

⁴ «*Annales Bertiniani*» (Хроника св. Бертина) – франкская летопись, описывающая события 830—882 годов. Получила название от бенедиктинского аббатства св. Бертина (Сент-Омер, Франция), в библиотеке которого была найдена.

достаточно ясно отделяет скифов от живущих севернее от них гиперборейцев⁵, информации о которых у него значительно меньше.

Сведения, оставленные Геродотом о гиперборейцах, в целом неясны и не вызывают доверия у самого автора, что подтверждается и его личными замечаниями:

«Об областях севернее страны, о которой я начал свой рассказ (о Скифии), никто ничего определённого не знает. И я не видел ни одного человека, который сказал бы, что земли эти он знает как очевидец»⁶ или «о гиперборейцах ничего не известно ни скифам, ни другим народам этой части света, кроме исседонов. Впрочем, как я думаю, исседоны также ничего о них не знают, ведь иначе, пожалуй, и скифы рассказали бы о них»⁷.

Едва ли не единственное, что Геродот точно знает о северянах-гиперборейцах – это то, что от них поступают какие-то разнообразные дары на остров Делос.

Геродот также упоминает о неких людях, живущих далеко на севере и спящих шесть месяцев в году⁸, что вполне может означать проживание на землях, где существует такое явление, как полярная ночь. Ни к скифам, ни к гиперборейцам он их не относит, никаких подробностей не сообщает, но обозначает как некий отдельный народ.

Гиппократ

Другой не менее авторитетный древний автор, Гиппократ (или кто-то другой, чьи записи вошли в сборник сочинений основоположника медицины), не только описывает климатические условия, в которых проживают скифы, но и приводит известное ему описание внешнего вида этих северных людей. Слово «*ρως*» он также не употребляет, но использует для их описания термин «*πυρρόη*», буквально означающий на древнегреческом языке «имеющее цвет огня»⁹:

«Πυρρόν δὲ τὸ γένος ἐστὶ τὸ Σκυθικὸν διὰ τὸ ψύχος, οὐκ ἐπιγυγνόμενου ὀξέος τοῦ ἡλίου· ὑπὸ δὲ ψύχους ἡ λευκότης ἐκαίεται καὶ γίγνεται πυρρόη».

«Цвета пламени скифское племя вследствие холода, потому что солнце (там) недостаточно сильно: в условиях холода белый цвет возгорается и становится огненным (красным, алым)».

Гиппократ, представляя Скифию как холодную, сырую и однообразную степь, объяснял всё стужей и холодом. По этой же причине, считал он, звери там немногочисленны и небольшого размера, местные коровы малы и безроги, и даже поэтому аборигены рыжеволосы (читай: блондины).

⁵ См.: Геродот. История. Кн. четвёртая «Мельпомена», §4—31.

⁶ Там же, §16.

⁷ Там же, §32.

⁸ Там же, §25.

⁹ Это слово вошло в современные европейские языки с корнем «пир»: пиротехника, антипирин и т.д., то есть имеющее отношение к огню.

Аристотель

Впервые термин «ρως» [рось] был употреблён Аристотелем. Великий грек лично или кто-то из его ближайших последователей не только применил это слово для обозначения людей, живущих севернее греков, но и подробно описал их.

В схолиях ко 2-й книге труда Аристотеля «О небе» некий анонимный греческий автор, ссылаясь на каких-то третьих лиц (древних математиков?), упоминает гиперборейцев, выделяя из них и описывая внешний вид «скифов, то есть рось».

Античные авторы называли «гиперборейцами» народы, проживавшие к северу от ойкумены. Принято считать, что речь идёт о мифических народах, но, если принять во внимание сведения, оставленные нам в упомянутом труде, было бы точнее считать их полумифическими.

Указывает их ареал проживания и приводит некоторые достаточно точные сведения, касающиеся его географического расположения и климатических условий:

«Древнейшие математики разделили небо на пять полюсов: первый они называют арктическим, потому что там находится звезда „ἀρκτος“; т. е. Большая Медведица... Вторым пояс они называют летним тропическим, третий – равноденственным, четвёртый – зимним тропическим и пятый – антарктическим... Мы, говорят (древние математики?), заселяем среднее пространство между арктическим поясом, близким к северному полюсу, и летним тропическим, причём скифы, то есть рось (Σκυθαὶ τοὺς Ρως. – Выделено нами) и другие гиперборейские народы живут ближе к арктическому поясу»¹⁰.

В том же издании, в главе «О животных», рассуждая о качестве шерсти овец, уже наверняка сам Аристотель делает любопытное замечание, касающееся внешнего вида названных скифов-рось:

«Прямоволосы те люди, в которых много влажности: ибо влага течёт у них в волосах, а не сочится по каплям. Поэтому Понтийские Скифы и Финикийцы прямоволосы, так как и сами они отличаются избытком влаги, и окружающий их воздух влажен»¹¹.

Автор тех же схолиев в части «Неизданные проблемы», как бы дополняя поднятый Аристотелем вопрос, замечает:

«Почему эфиопы курчавы, а скифы и вообще все северные народы прямоволосы? Не потому ли, что высушиваемый солнцем волос скручивается подобно другим предметам, а Эфиопы живут ближе к солнцу и в чрезвычайном зное, и между тем как Скифы живут в холодной стране, где солнце не испаряет находящейся в волосах влаги, так что они и не скручиваются?»¹².

Более точных данных по антропологическим характеристикам этих людей у Аристотеля и автора схолиев к его произведению нет. Это неудивительно, потому что лично они этих «ρως», судя по всему, не встречали, но узнали об их существовании от кого-то другого.

¹⁰ Цит. по: Basilius Latyshev. Scriptores graeci. // Известия древнейших писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т. 1. – Изд. Имп. АН. СПб, 1890. С. 385.

¹¹ Там же. С. 379.

¹² Там же. С. 382.

Екатей Авдерский

Историограф Александра Македонского Екатей Авдерский¹³ (Εκαταίος Αβδηρίτης), наверняка знавший Аристотеля лично, также не использовал термин «ρως» в отношении тех, кого он называл скифами, но оставил нам о них вообще или о части тех, кого называл таковыми, одно важное свидетельство, дошедшее до нас благодаря Плинию Старшему:

«Septembrionalis Oceanus: Amalchium eum Hecataeus appellat, a Paropamisso amne, quia Skythiam alluit, quod nomen eius gentis lingua significat congelatum...»¹⁴.

«Северный океан: Екатей называет его Амалхийским от реки Паропамиз, которая омывает Скифию, на языке того народа называется замёрзшим (Ледовитым)».

На основании приведённых выше сведений складывается достаточно целостная картина об условиях проживания тех, кого имели в виду античные авторы. С большой долей вероятности можно предположить, что под лексемой «скифы» они понимали отнюдь не славян или каких-то степных кочевников, а все народы, проживавшие как намного севернее ойкумены, так и на непосредственно прилегающих к ней с севера территориях, достаточно хорошо знакомых древним грекам. Очевидно, что речь идёт о людях, занимавшихся сельскохозяйственной деятельностью: примитивным земледелием и скотоводством. Проживали они в землях, расположенных в условном арктическом поясе. Уровень их культуры, судя по скудности дошедших до греков сведений, не был достаточно развит в сравнении с уровнем культуры как самих греков, так и других народов, живших в бассейне Средиземного моря.

Во всех этих и прочих многочисленных источниках, приводить которые здесь не имеет смысла, кроется одно чёткое указание: аристотелевские скифы-рось и скифы, о которых сообщают другие древнегреческие авторы, живут в холодной стране с влажным климатом. Ни о каких степях и откровенно кочевом образе жизни этих людей греки не сообщают. Кроме того, Гиппократ, живший на несколько десятилетий раньше Аристотеля, указывает ещё на одну конкретную отличительную черту этих людей: непривычно белую для южан кожу, которая под воздействием солнца приобретает красный цвет, «сгорает». Последняя характеристика неприемлема для тех, кого византийские и арабские авторы будут называть скифами несколько позже. Скифы византийского периода, проживавшие в средние века севернее греков и арабов, – по преимуществу кочевники, то есть люди, привыкшие к солнцу и жизни в степях, не отличавшихся высоким уровнем влажности.

С большой долей вероятности можно предположить, что в древнегреческих текстах речь идёт о каких-то протогерманцах, далёких предках обитавших на севере Западной Европы жителей, впоследствии названных «*nordmann*», и только о них, вытесненных из начальных мест проживания более молодыми народами. Вряд ли писавшие о них авторы, в частности Екатей, имели в виду других людей, живших в некой «Скифии» на побережье Северного Ледовитого океана восточнее Скандинавского полуострова. Иных значительных по величине народов, которых можно было бы описать в конце IV века до н.э., там не существовало (во всяком случае, нет никаких сведений, подтверждающих их существование).

¹³ Екатей Авдерский (согласно российской транскрипции XIX века, в современных русскоязычных источниках встречается также написание его имени Гекатей Абдерский или Екатей Абдерский) – древнегреческий историк и философ, родился во второй половине IV века до н.э., умер после 323 года до н.э.

¹⁴ Цит. по: Basilius Latyschev. *Scriptores graeci*. // Известия древнейших писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т. 1. – Изд. Имп. АН. СПб, 1890. С. 389.

Более поздние византийские авторы стали отождествлять употреблявшийся древними греками экзоним «скифы» с жителями если и не очень холодных, то уж точно не влажных степей: хазарами, печенегами, аланами и т. п. Аристотель же совершенно очевидно имел в виду других людей, для обозначения которых в том же IV веке до н.э. ему понадобилось уточнение «ρως», повторённое позднее в Бертинианской летописи в латинском написании «rhos».

Описание географических, климатических мест проживания и антропологических характеристик народа, названного Аристотелем и другими античными авторами «скифами», не соответствует условиям жизни и внешнему виду тех по преимуществу кочевых народов, которые появились значительно позже, но также назывались «скифами» в византийский период, спустя десять столетий после Великого грека.

Глава 2. Первые средневековые сведения о «людях рос»

Бертинианская летопись

Первое чёткое указание не только на народ «рось», но и на его конкретных представителей содержится в уже упоминавшейся выше Бертинианской летописи. Её часть, в которой впервые употреблён этноним «рось», составлена епископом Труа Пруденцием¹⁵, человеком грамотным, компетентным и независимым от каких-либо мотивов, то есть без нужды исказить или необъективно передать имеющуюся у него информацию. В хорошо сохранившейся, не имеющей повреждений части текста «*Annales Bertiniani*» есть информация о «людях рос» в контексте события, непосредственно связанного с этими людьми и чётко датированного 839 годом. Источник уникальный в своём роде: в нём впервые изложено прямое указание на конкретных людей, являющихся частью некоего народа (племени), поэтому приведём текст интересующей нас части рукописи в оригинале:

«Venerunt etiam legati Græcorum a Theophilo imperatore directi, Theodosius videlicet, Calcedonensis metropolitanus episcopus, et Theophanius spatharius, ferentes cum donis imperatori dignis epistolam; (...). Misit cum eis quosdam, qui se, id est, gentem suam, Rhos vocari dicebant: quos rex illorum Chacanus vocabulo... Misit etiam cum eis quosdam, qui se, id est, gentem suam, Rhos vocari dicebant, quos rex illorum, Chacanus vocabulo, ad se amicitiae, sicut asserebant, causa direxerat, petens per memoratam epistolam, quatenus benignitate imperatoris redeundi facultatem atque auxilium per imperium suum totum habere possent, quoniam itinera per quæ ad illum Constantinopolim venerant, inter barbaras et nimiae feritatis gentes immanissimas habuerant, quibus eos, ne forte periculum inciderent, redire noluit. Quorum adventus causam imperator diligentius investigans, comperit, eos gentis esse Sueonom exploratores potius regni illius nostrique quam amicitiae petitores ratus, penes se eo usque retinendos iudicavit, quoad veraciter invenire posset, utrum fideliter eo necne pervenerint; idque Theophilo per memoratos legatos suos atque epistolam intimare non distulit, et quod eos illius amore libenter susceperit, ac si fideles invenirentur, et facultas absque illorum periculo in patriam remeandi daretur, cum auxilio remittendos; sin alias, una cum missis nostris ad ejus præsentiam dirigendos, ut quid de talibus fieri deberet, ipse decernendo efficeret»¹⁶.

¹⁵ Пруденций Труасский – средневековый писатель (? – 861 гг.). Настоящее имя Галинд (онд) (*Galindus (ondus)* – лат.) он изменил, скорее всего, пожелав носить имя знаменитого древнеримского христианского поэта испанского происхождения Пруденциана (*Aurelius Prudentius Clements*, 348 – ок. 413 гг.). Происходил из испанского дворянского рода. Ещё подростком оказался на территории Франции, сменив местожительство по причине преследования христиан арабами. Получил образование в «*Scholae Palatinae*». На протяжении нескольких лет был наставником-духовником при императорском дворе. Назначен епископом Труа около 846 года. Был уполномочен императором Карлом Лысым заниматься реформой правил жизни монашествующих на территории империи Каролингов. Участник Суассонского собора (853 г.). Выступил против мнения императора и архиепископа Инкмара Рейнского, запрещаая возведение частных храмов без предварительного согласия церковных властей. Занимал решительную позицию по поводу очень актуальных в его время теолого-философских вопросов, связанных с предопределением смерти и жизни как каре и награде за грехи, которые *non pro omnibus sed pro multis* (см.: «*Epistola ad Hincmarum et Pardulum*», датировано 849 годом; F. Lot et L. Halphen. *Le règne de Charles le Chauve*. Париж, 1909. С. 213; и заметки «*De prædestinatione*»). Один из трёх авторов-составителей Бертинианской летописи (*Annales Bertiniani*), автор «Жития св. Марии Девы» (см.: «*Vita sanctae Maurae virginis*». *Acta Ss.*, sept. VI, 275–8) и нескольких стихотворных произведений (см.: *Mon. Germ. Hist. Poetae lat.*, II, 679). В качестве святого почитается в Труа (6 апреля), в Римский мартиролог не внесён.

¹⁶ «*Les Annales De Saint-Bertin et De Saint Vaast. Suivies de fragments Chronique inédite. Publiées avec des annotations et les variantes des manuscrits, pour la société de l'Histoire de France. Par l'Abbé C. Dehaisnes*». Изд. «Archiviste du nord. Paris», Librairie de la société de l'Histoire de France. Часть «*Annales Bertiniani, Pars secunda, ab anno 835 usque ad annum 861, Auctore PRUDENTIO, Trecensi episcopo*». Париж, 1871. С. 34.

«Прибыли тогда греческие легаты (послы), Феофилом императором направленные, Феодосий, правящий митрополит епископ Халкидонский, и Феофан, оруженосец¹⁷, доставившие с достойными императора дарами письмо; (...). Послал (имп. Константинопольский) с ними также тех, которые говорили, что они, народ их, Рос (ь) называют: король их Хаканом кличется, и с дружбой они пришли, как в письме упомянутом указано, и в добродетельной императорской власти и помощи, чтобы мочь через всю его империю пройти, потому что не хотят вернуться путями, которыми они пришли в Константинополь среди варваров и жестокостью свирепых диких людей населённых, которых они очень опасаются. Император, тщательно расследовав причины, установил, что люди эти – шведы-лазутчики, и не дружбы нашей ищут, и задержать их повелел, чтобы истинно доведаться, зачем пришли; и также Феофил с послами своими в письме убеждал не препятствовать и принять, и если любовь их окажется верной, дать им возможность без опасности вернуться на родину, и в том помощь оказать; в противном случае, так же как и посольство наше направить (обратно), если такое будет решено, (я) сам приму решение».

Описанное в рукописи не оставляет сомнения. Для епископа Пруденция «*gentem rhos*» («люди рось») однозначно были «*sueonon*», то есть скандинавами и, скорее всего, лазутчиками, скрывавшимися под неизвестным франкам названием «рось». Никаких сведений о внешнем виде этих людей в Бертинианской летописи не содержится, но они есть во втором по древности западном свидетельстве о «людях рось», оставленном в 949 году послом итальянского короля Беренгария в Византию, тогда ещё дьяконом Лиутпрандом Кремонским.

Лиутпранд Кремонский

Следующим в хронологическом порядке источником, в котором упоминаются некие люди «*rusios*» (русиос, рось), является «Антаподосис», написанный государственным чиновником Священной Римской империи, дьяконом Лиутпрандом Кремонским¹⁸.

В отличие от епископа Пруденция, этого автора в целом нельзя считать объективным, но в части оставленных им сведений о неких «русиос» (рось), он не имеет личной заинтересованности, и поэтому сведения могут считаться достоверными:

«*Gens quædam est sub aquilonis parte constituta, quam a qualitate corporis Greci vocant ροῦσιος, Rusios, nos vero a positione loci nominamus Nordmannos. Lingua quippe Teutonum Nord aquilo, man autem dicitur homo; unde et Normannos aquijonares homines dicere possimus. Hujus denique gentis rex vocabulo Inger erat; qui collectis mille et eo amplius navibus Constantinopolim venit*»¹⁹.

¹⁷ «*Spatharius*» (носящий саблю, вооружённый человек); первоначально – телохранители византийских императоров. С VII века – важный придворный титул.

¹⁸ Лиутпранд Кремонский (*Liutprando de Cremona*, ок. 920—972 гг.) – итальянский дипломат, епископ Кремоны, историк, чиновник по особым поручениям Священной Римской империи. Кроме родного итальянского, далеко не досконально, но знал греческий и немецкий языки. Писал на позднелатинском, представляющем собой смесь средневековой латыни с раннеитальянским языком. Получил образование при дворе короля Уго в родном городе Павия. В 949 году был рукоположен в дьяконы (т.е. стал госчиновником), и в этом качестве отправлен в Константинополь ко двору императора Константина VII Багрянородного. Вернувшись на родину, по неизвестным причинам (скорее всего, материального плана) попал в немилость к королю Беренгарию. Спустя некоторое время был принят на службу к германскому королю Оттону I Великому, будущему императору Священной Римской империи. Все три написанных им основных труда не отличаются объективностью. К примеру, в работе, говорящей самой за себя названием «*Antapodosis*» (Возмездие), Лиутпранд явно с преувеличенным пристрастием описывает своего бывшего покровителя Беренгария и его супругу Виллу. После второй поездки в Константинополь в 969 году оставил после себя очень живое, почти карикатурное описание императора Никифора II Фоки («*Liber de legatione constantinopolitana*»), зато в посвящении Оттону I («*Liber de rebus gestis Ottonis Magni Imperatoris*») тон его становится спокойно-хвалебным.

¹⁹ Liutprandi Cremonensis episcopi (922—972). *Historia gestorum regum et imperatorum. Sive «Antapodosis»*, Lib. V, 15, p.883—884.

«В северных краях есть некий народ, который греки по его внешнему виду называют ροῦβιος, „Русиос“, но мы их зовём по месту проживания норманнами. На тевтонском языке „норд“ – это „север“, „ман“ – „человек“, отсюда „нордманнов“ „северными людьми“ называть можем. Короля этого народа звали Ингер; который сюда на тысячах широких кораблей в Константинополь приходил».

В отличие от Пруденция, у Лиутпранда нет необходимости идентифицировать встреченных им в Константинополе людей, так как он настолько точно знает, кто они, что даже приводит варианты их названия на двух языках, в обоих случаях поясняя причины происхождения этих названий. В германском языке – по географическому принципу, а в греческом – по антропологическому.

Ибн Фадлан

Ещё одно любопытное свидетельство о скандинавах, повстречавшихся ему в Волжской Булгарии, оставил арабский дипломат Ибн Фадлан²⁰. В своих «Записках» («Рисале») он пишет:

«Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Атыл. Я не видал (людей) с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, белокуры, красны лицом, белы телом. Они не носят ни курток, ни хафтанов, но у них мужчина носит кису, которой он охватывает один бок, причем одна из рук выходит из нее наружу. И при каждом из них имеется топор, меч и нож, (причём) со всем этим он (никогда) не расстаётся. Мечи их плоские, бороздчатые, франкские»²¹.

Черты людей, привлёкшие внимание арабского путешественника, в точности соответствуют внешним отличительным особенностям тех, о ком писали античные авторы и почти современник Ибн Фадлана Лиутпранд Кремонский: они нетипично светлокожи для южан, что получают солнечные ожоги, «сгорают» в южных широтах. Судя по описанию, в том числе одежды и оружия, речь идёт о варягах, которые в поисках расширения сфер своей торговой деятельности отклонились от уже достаточно освоенного их соплеменниками пути «из варяг в греки». Арабский дипломат не отождествляет их со славянами или кочевниками, проживавшими в то время в описываемом регионе, но вслед за другими авторами выделяет их в особую группу, конкретно называя «русами».

«Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти».

²⁰ Ибн Фадлан (877—960 гг.). Арабский путешественник персидского происхождения, автор рукописи, датированной 922 годом, в которой описывает своё путешествие 921—922 годов в Юго-Восточную Европу (Волжская Булгария). Ибн Фадлан был членом дипломатической миссии, направленной Багдадским аббасидским халифом ал-Муктадиром для заключения договора по поводу постройки укреплений против хазар. Во время путешествия составил путевые заметки «Рисале». Наиболее известной частью этих заметок является подробное описание погребального обряда лично встреченных им «русов». Оригинал рукописи, написанной на арабском языке, не сохранился. В библиотеке Мешхеда (Иран) существует копия её части. До наших дней дошли также некоторые цитаты и переводы отрывков из труда Ибн Фадлана на другие языки, сделанные непосредственно после смерти автора. «Рисале» является очень важным источником для изучения истории проживавших в этом регионе народов, их обычаев и внешнего вида, так как составлено образованным, точным и непредвзятым автором.

²¹ Цит. по: Крачковский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. – Изд. Харьковского Государственного университета. Харьков, 1956. С. 141.

Взяв за основу идентификацию людей, упомянутых в трёх источниках, являющихся базовыми для исследования терминов «*рос*», «*Русь*» и их производных, используя иные факты, прямо или косвенно касающиеся предмета нашего интереса, попробуем ответить на некоторые вопросы, имеющие непосредственное отношение к этим лексемам.

Кем именно по национальности были скандинавы «*ghos-sueonum*», прибывшие ко двору императора Священной Римской империи Людовика Благочестивого в Ингельгейм, сказать сложно.

Ингельхайм-ам-Райн (*Ingelheim am Rhein*) – в настоящее время районный центр на юго-западе Германии, земля Рейнланд-Пфальц.

Тацит, впервые употребивший этноним «*sueoni*» в начале II века н.э., имел в виду просто некий «*сильный и многочисленный народ, живший на севере*». Не более того. Но слово в латинском языке прижилось и вошло в широкое употребление, возможно, и по созвучию его с древним самоназванием шведов «*svear*» – главных врагов Священной Римской империи.

Границы употребления этого термина обозначить сложно. Большинство специалистов склоняется к мнению, что он распространялся и на другие скандинавские народы в зависимости от увеличения или сокращения влияния шведских королей. Только в конце XIX – начале XX века, во избежание путаницы, эндоэтноним «*svear*» стал употребляться исключительно в отношении древних шведов в противоположность этнониму «*svenskar*», под которым подразумеваются современные шведы. Это искусственное чёткое разделение стало возможным благодаря употреблению обоих слов в соответствующих разделах официальной шведской двадцатитомной энциклопедии «*Nordisk familjebok*» (издавалась с 1876 до 1899). Термин «*suiones*» впервые был употреблён древнеримским историком Тацитом (55—120 гг.) в труде «*De Origine et situ Germanorum*» и не касался непосредственно шведов, но под ним подразумевались германские племена, жившие на северной границе Европы. Похожий термин встречается в древнеанглийском языке «*sweon (as)*» и в труде германского историка, теолога, дипломата, преподавателя Адама Бременского (*Adam Bremensis*) (род. ранее 1050 – ум. 12.10.1081/85) в его главном сочинении «*Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum*». В этом трактате, посвящённом деятельности гамбургско-бременских архиепископов, употребляется термин «*Sueones*», которым обозначаются жители Скандинавии вообще. Согласно одной из версий, слово «*svear*» происходит из древнегерманского «*saiwi*» («озеро» или «море») и напрямую связано с понятиями «*siwíoniz*» или «*swioniz*» («морской народ»). По мнению профессора Уппсальского университета Адольфа Нореена (1877—1919 гг.), термин «*suiones*» представляет собой латинизированную форму древнегерманского «*Swihoniz*» («принадлежащий кому-то», выраженное в рефлексивной форме), имеющего древнеиндоевропейские корни. В латыни это понятие нашло отражение в виде «*suus*» («принадлежащий ему»). В современных скандинавских языках эта форма осталась в таких словах, как «*svåger*», «*esvägerska*» (шведск.), «*svoger*», «*esvägerska*» (датск. и норв.) и практически без изменений существует в белорусском и польском языках (соотв. «швагер», «швагерка»; «*szwagier*», «*szwagierka*»). По другой версии, древнегерманское «*swihoniz*» приобрело в норренском языке готскую форму «*swaihans*», а позднее трансформировалось в «*suehans*», употребляемое византийским консулом (470 г.), вандалом (скорее всего, готом или лангобардом)

по происхождению, Флавием Иорданом (Flavius Iordanes) в труде «De origine actibusque Getarum». Уже в границах норренского языка оно превратилось в «svíar» в западном и «Swear» в восточном диалекте этого языка. Наиболее достоверной кажется гипотеза профессора Уппсальского университета Отто фон Фрисена (*Otto von Friesen*, 1870—1942 гг.), который предположил, что латинское слово «sueoni» происходит из древнегерманского «sweoniz» (родственник, свояк).

Основываясь на созвучии слова «sueoni» с появившимся позднее этнонимом «svear», большинство исследователей сходится во мнении, что названная группа людей, представившихся (или представленных) императору как «люди росы», – предки современных шведов. Ещё одним основанием для этого предположения является то, что больше всего Священной Римской империи досаждали в первой половине IX века именно они, что подтверждается многочисленными историческими фактами.

Большая часть учёных склоняется к мнению, что именно викингшведы, но не предки норвежцев или датчан в 820 г. разграбили Фландрию, были изгнаны, но направились в Аквитанию. В 824 г. они же совершили набег на охранявший устье реки Луары остров Нуармутье. В 825 г. такая участь постигла Фрисландию и Бретань. В 828 – разграбление Саксонии, а ещё через два года повторно сравняли с землёй укрепления на Нуармутье. В начале 830-х шведы сделали несколько удачных набегов на порт Дорестада, значительно усложнив связь материка с Британскими островами. 835 год – вновь Фрисландия, 837 – Антверпен, Доорних, Мехелен. В том же году ими была основана база-поселение для набегов на острове в устье Шельды. Этот список можно не продолжать – он и так достаточно красноречиво говорит об отношениях между скандинавами и Священной Римской империей, вынужденной постоянно держать войска «на чеку» и в постоянной готовности быть переброшенными в точку всегда внезапного нападения. Маловероятно, что Людовик Благочестивый отпустил попавшую к нему в руки группу потенциальных врагов, прибывших в его государство хоть и под косвенным, но дипломатическим прикрытием, да ещё и под странным именем.

Возможно, так оно и было. К Людовику Благочестивому в 839 году вполне могли попасть именно предки современных шведов. Но это совсем не значит, что ими не могли быть представители какого-то другого скандинавского племенного объединения. Маловероятно, чтобы остальные скандинавские народы в то время не обращали внимания на удачные военные набеги тех же древних шведов, спокойно ловили рыбу в прибрежных водах и при случае занимались охотой, свято соблюдая целостность границ ближних и дальних соседей. Напротив, они наверняка искали применение своим силам где-то чуть дальше от территорий, уже вошедших в область интересов их более активных соседей-шведов. Да и чёткого государственного деления между скандинавскими народами в тот период не существовало. Их культура была схожей. Антропологические характеристики тоже. Конечно, существовали языковые отличия, но все три скандинавских народа, ещё находившиеся на стадии племенных объединений, в IX веке говорили на норренском²² языке, и чёткой границы употребления разных слов между живущими на полуострове племенами не было.

²² Малораспространённое название древнескандинавского языка, происходящее от прилагательного «северный» (*norrœnn* – исланд.; *norrøn* – датск., норв.), принадлежащего к германской языковой семье. Его сформировавшиеся к XIII веку диалекты, «dansk tunga» (восточный) и «dönsk tunga» (западный) стали основой для формирования современных языков, соответственно, датского и шведского (первый из упомянутых) и норвежского и исландского (второй). Сформировался на основе архаичного скандинавского языка где-то в VII столетии. Употреблялся жителями Скандинавии и в основанных ими

Поэтому для западноевропейцев они представляли более-менее одно целое – варягисеопом, то есть северные люди (норманны). На практике же разделение между ними, безусловно, было, но для христианской Священной Римской империи оно появится примерно только через полтора столетия, вместе с постепенным крещением скандинавов прибывшими туда из материковой Европы около 1000 года миссионерами.

Попав в Скандинавию из Священной Римской империи, христиане *volens nolens* стали более эффективным средством борьбы с варягами, чем многочисленные укрепления на границах с ними. Первая церковная административно-территориальная единица (диоцезия с центром в г. Сигтуна) была создана при самом древнем, достоверно известном короле (*konung*) шведов Олофе III (*Olof Skötkonung, Skottkonung*, 995—1022 гг.).

Поэтому с точностью определить национальность попавших ко двору Людовика Благочестивого людей невозможно, так как её попросту не было – все скандинавы в понимании западноевропейцев середины IX века являлись единым народом, жившим на севере.

По этой причине императору ничего и не говорило название народа «*rhos*», о существовании которого он и приказал провести следствие. Мало того, слово «*rhos*» должно было вызвать у него вполне обоснованные опасения, поскольку им представились люди, внешне очень напоминавшие опасных врагов. Из текста манускрипта совершенно ясно: в результате дознания император пришёл к выводу, что с греками прибыли именно люди «*sueonom*», а это на языке Священной Римской империи в данном контексте означало одно – «враги-скандинавы»...

Интерес императора к термину «рось» на том и закончился. Кем бы не представлялись эти люди, для него они оставались соплеменниками врагов, совершавших нападения на прибрежные районы его государства.

О дальнейшей судьбе прибывших в Ингельгейм с греческим посольством людей летописец ничего не сообщает. Сведений о проведении какого-либо дознания по поводу происхождения названия «рось» или точного местожительства назвавшихся так людей в хронике тоже нет. Всё, для императорских чиновников инцидент исчерпан, но в отличие от людей Людовика, которым всё стало понятно, у потомков такой ясности нет. Напротив, есть вопросы.

Были или нет упомянутые люди предками тех, которые позднее станут именно шведами, непонятно. Большинство учёных считает их шведами, основываясь не только на эндоэтнониме «*svear*» и его производных, но и на географическом расположении возникшего через несколько столетий государства Швеция, находящегося ближе всех скандинавских стран к восточным славянам и, соответственно, к Константинополю. Так ли это на самом деле, утверждать сложно. С полной уверенностью можно полагать одно: это были жители Скандинавии.

Во всей этой очень похожей на детектив истории, описанной автором Бертинианской хроники, пробелом остаётся немаловажный вопрос: кем были названные «*люди рос*» для греков? Другими – вряд ли. Почему греки, известные своим коварством и за века изрядно поднатеревшие в составлении хитроумных интриг, должны были не только принять у себя, но ещё и обеспечить дипломатическим прикрытием группу странников, опасавшихся при возвращении домой встречи со «*свирепыми и дикими людьми*». Чего ради в Константинополе так близко к сердцу приняли их проблему?

Вполне возможно, что византийцы прекрасно знали, кто эти люди, и использовали случай, чтобы направить скандинавов-лазутчиков, более опасных для Людовика, чем для них,

заморских колониях на протяжении так называемого «периода викингов». Большая часть дошедших до нас текстов датируется 1050—1350 годами. Следы этого «мёртвого» языка лучше всего сохранились в исландском языке, который представляет собой несколько видоизменившуюся форму западно-норренского диалекта («*dönsk tunga*»). До XIII века этот норренский был основным средством общения скандинавов. Самый известный памятник этого языка – собрание саг «*Heimskringla*», составленное древнескандинавским поэтом и историком Снорри Стурлусоном (1179—1242 гг.).

через внутренние земли империи. Формально Священная Римская империя и Византия сохраняли в тот период относительно дружественные отношения, но грекам явно не очень нравилось появление на карте Европы молодого сильного государства, объявившего себя правопреемником Древнего Рима. Мало того, что один правопреемник уже был – сама Византия, так ещё и основатель этого нового государства, Карл Великий, был рукоположен в императоры папой римским, ещё не врагом-схизматиком в середине IX века (официально папы станут ими после «Великой схизмы» 1054 года), но и не совсем другом. Очень похоже на то, что греки были осведомлены об опасности, которую представляли собой скандинавы для Каролингов, и специально отправили их со своим посольством в Священную Римскую империю по ещё не известному скандинавам пути – с юга. Не будь Людовик таким осторожным и проницательным, эта группа *sieonot* принесла бы на родину очень ценные сведения о его государстве, которое было не только главным объектом нападения скандинавов, но и основным препятствием на пути распространения их экспансии.

О том, что греки знали, кем именно были эти «люди рос», сомневаться не приходится: те сами рассказали в Константинополе о том, что должны добраться домой, на север, и даже уведомили византийцев о грозящих им на этом пути опасностях. В частности, о неких «свирепых варварах», с которыми они уже столкнулись на пути в Константинополь (скорее всего, речь идёт об угро-финнах мадьярах). Нежелание повторной встречи с ними даже вошло в число аргументов, представленных Людовику Благочестивому византийцами, объясняющих появление *рось* в границах его государства. С этим всё ясно: двигаясь из Константинополя через заселённые мадьярами земли, эти *рось*, не будучи ни славянами, ни подданными германского императора, могли направляться только на родину, находившуюся в районе Балтийского моря. Тогда остаётся вопрос: откуда в сопроводительном письме у них фигурирует какой-то непонятный «*rex Chacanus*».

Если принять за основу, что греки действительно сознательно отправили к Людовику Благочестивому главных врагов Западной империи, то логично предположить, что они сами и придумали для этого не очень убедительную легенду. Нельзя же было открыто объявить, что попавшие к императору с их дипмиссией люди – скандинавы! Потому и использовали не совсем понятное императорскому окружению название, а государя их именовали откровенно восточным титулом. Возможно, тем самым в Константинополе предполагали ослабить бдительность людей Людовика Благочестивого, так как восточные народы, кроме угро-мадьяров, для Священной Римской империи прямой угрозы не представляли. Но в географии имперские чиновники разбирались, поэтому у них наверняка возник вопрос: на какую родину направлялись через Западную Европу странствующие «люди рось», властителем которых был «хакан»?.. Людовик и его люди великолепно знали, что в том направлении, куда хотели попасть прибывшие с греческим посольством люди, правителей с таким названием нет и быть не может. Получается, что легенда явно была сшита белыми нитками, не продумана до мелочей... или умышленно составлена именно таким образом!

Не исключено, что греки, которых никак нельзя посчитать неискушёнными в дипломатии, таким способом просто избавились от своих опасных гостей чужими руками, чтобы избежать возможных разбирательств с их сородичами, уже начавшими серьёзно беспокоить Византийскую империю.

Как бы то ни было, упоминание этого «хакана» отчасти послужило основанием для изобретения некоторыми сторонниками славянской теории другой легенды – существование некоего гипотетического государства «Русский каганат», якобы имевшего место быть у древних славян до появления Рюрика и созданного по образу и подобию кочевников-тюрков.

В Священной Римской империи эту греческую хитрость, судя по всему, поняли и какие-то претензии к византийцам по поводу этой (или какой-то похожей на неё) истории имели. Об этом косвенно свидетельствует и датированный 871 годом ответ императора Священной Римской империи Людовика II Младшего (имп. 850—875 гг.), племянника Людовика Благочестивого, византийскому императору Василию I (имп. 867—886 гг.):

«Chaganum vero nos prelatum Avarum, non Gazanorum aut Nortmannorum nuncupari repperimus, neque principem Vilgarum, sed regem, vel dominum Vulgarum, sed regem vel dominum Vulgarum»²³.

«Истинно (говоря), нами называется хаганом руководитель аваров, но не хазаров или норманнов, и не менее князь болгаров, а зовётся так король и господин булгар».

Всё точно и понятно: император даёт пояснения в адрес какой-то очередной путаницы (к сожалению, послание Василия I не сохранилось), внесённой византийцами в связи с употреблением термина «хаган» (каган). Мешает только созвучие и одинаковое написание на латыни названия двух народов – болгар и булгар, но составителей этого документа понять можно – они не имели тесных контактов с названными народами и называли их одинаково «vulgarum».

Вполне возможно, что это «уточнение» Людовика является косвенным свидетельством того, что грекам то ли не простили пресловутый первый случай 839 года, то ли они ещё раз где-то употребили термин «хаган» ошибочно или умышленно неверно. Вероятность ошибки невелика, потому что каганатами назывались государственные образования ближайших соседей византийцев – волжских булгар, хазар, печенегов, аваров и прочих кочевников. Того, что во главе этих кочевников стояли «хак (г) аны», греки просто не могли не знать...

Итак, при дворе Людовика Благочестивого на термин «рось» обратили внимание только в связи с подозрением о происхождении прибывших с греческим посольством людей. Установив, что они всё же хорошо известные в Священной Римской империи *sueonot* и никакой *хакан* ими не правит, интерес к этому термину потеряли. Во всяком случае, известий о развитии дальнейших событий или о каких-то конкретных действиях по этому поводу у нас нет.

Но есть и ещё один вопрос, на который автор Бертиниянской хроники не дал точного ответа. Нам неизвестно, на каком языке был употреблён термин, обозначивший национальную принадлежность этих «людей рось» в письме греческого императора, как неизвестно и то, на каком языке вообще было написано это сопроводительное письмо, то есть кто первым, византийский писарь или Пруденций, употребил этот термин, описав связанное с ними событие *post factum*.

Даже если допустить, что при обозначении «людей рось» греки не руководствовались свидетельством своих знаменитых предков (прежде всего Аристотеля), подчёркивавших красный цвет в описании северных народов, то для этого у них вполне могли быть и другие причины, более понятные и явные. Не исключено, что для употребления этого термина в отношении прибывших к Людовику Благочестивому с греческим посольством людей, у византийцев было и такое основание, как внешний вид сопровождавших их дипмиссию людей. Вполне возможно, что они, так же как и античные авторы, обратили внимание на необычно белую кожу скандинавов, не привыкшую к яркому южному солнцу. В Константинополе они могли просто обгореть и приобрести красный цвет. Это отличительное свойство кожи чужаков наверняка бросилось в глаза смуглым по природе жителям Средиземноморья, выдавшим немало

²³ Цит. по: Massimo Oldoni. Anonimo salernitano del X secolo. – Изд. «Guida editori». Napoli, 1972. С.115.

иностранцев, но преимущественно загорелых. Не исключено, что это также могло дать грекам повод для определения их словом «красные» (в смысле «обгоревшие на солнце»).

Предположение в полной мере подтверждается Лиутпрандом Кремонским, который не только сам употребляет термин «русиос», но и объясняет причину его употребления греками по внешнему виду – «corporis» (буквально – «по телу»). Несложно понять, что в этом случае имеется в виду именно цвет кожи или волос – то есть первое, что бросается в глаза при виде группы незнакомых людей. О цвете волос кремонца не сообщает ничего, удовлетворившись общим «corporis», следовательно, речь идёт, скорее всего, именно о коже, цвет которой у повстречавшихся ему в Константинополе людей сильно отличался от цвета кожи жителей Средиземноморья. За исключением некоторых деталей, с этим соглашаются и современные авторы-антинорманисты.

«Как специально разъяснял кремонский епископ Лиутпранд (ум. 971/72), дважды – в 949 и 968 годах – бывший послом в Константинополе: „Ближе к северу обитает некий народ, который греки по внешнему виду называют русиями, мы же по местонахождению именуем норманнами. Ведь на немецком языке nord означает север, а man – человек; поэтому-то северных людей и можно назвать норманнами“».

Далее автор, сообщив, что «*королем этого народа был некто Игорь*», рассказывает о походе киевского князя Игоря на Константинополь в 941 году и его разгроме.

С. А. Гедеонов абсолютно правомерно отмечал, что Лиутпранд сочинял свой труд «Воздаяние» во Франкфурте-на-Майне и что ему хорошо были известны те норманны, которых он описывает разорителями Кельна, Ахена, Триера, в связи с чем и «не мог полагать их между венгров, печенегов и хазар, не считать Игоря владыкой всех норманнов вообще»²⁴.

В трудах кремонского епископа есть слабые места, которые необходимо учитывать при изучении. Они широко известны специалистам и не только не мешают, но и помогают в анализе составленных им текстов. В первую очередь – это язык, представляющий собой смесь поздней латыни и молодого, ещё только начавшего формироваться итальянского языка²⁵. Знание Лиутпрандом греческого языка также несовершенно. Не составляя целые фразы, он предпочитает вставлять в свои тексты отдельные слова, как сделал и в этом отрывке. Но с употреблённым им словом «*ροῦσιος*» всё совершенно ясно: как уже было сказано выше, оно не греческое, но заимствованное²⁶, и представляет собой пример чего-то вроде латино-греко-итальянской трясанки X столетия, употребление которой было едва ли не нормой. Большинство специалистов полагает, что оно попало в греческий язык не из классической латыни – «*rossus*», но является грекоизированным итальянским «*rosso*» («красный» в значении «рыжий» для обозначения цвета волос) или редко употребляемым «*roscio*» («рыжий»), в котором просматривается прямая связь с употреблённым Аристотелем словом «*ῥως*».

Очевидно, что Лиутпрандом упоминаются не какие-то славяне или степные кочевники, которых греки в тот период уже давно и хорошо знали. Это недвусмысленно подтверждается знаменитой Монеувасийской хроникой²⁷, составленной не ранее 963/69 гг. и не позднее 1018 года, в которой славяне чётко отделяются от кочевников скифо-сарматов (аланов)²⁸.

²⁴ Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 г. С. 224—226; Гедеонов С. А. Варяги и Русь. В 2-х частях / Автор предисловия, комментариев, биографического очерка В.В.Фомин. – М., 2004. С. 360.

²⁵ См. аргументированный анализ языка Лиутпранда Кремонского в: «Le poesie di Liutprando di Cremona: commento tra testo e contesto». – Bari. «Edipuglia», 1996. С.269.

²⁶ См.: Vocabolario della lingua greca. – Torino. Изд. «Loescher», 2013. С. 1889—1890.

²⁷ DUJČEV, I., ed., Cronaca di Monemvasia, Palermo, 1976. С.9.

²⁸ DUJČEV, I., ed., Cronaca di Monemvasia, Palermo, 1976. С.19.

Анонимный автор этой летописи подробно описывает внешний вид последних, отмечая даже манеру ношения волос²⁹, но ни о какой особой характеристике, связанной с красным цветом, в отношении их не упоминает. Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что в случае Лиутпранда имеются в виду какие-то другие «люди с севера», не славянского происхождения.

В первые века второго тысячелетия интерес к восточной Руси значительно снизился. Европейцы считали эти земли татаро-монгольскими. Интерес к этим землям и населяющим её народам появился почти одновременно со «Стоянием на реке Угре».

В имперской (дореволюционной российской и советской) историографии это историческое событие обходили вниманием, придавая много большее значение мало что изменившей в отношениях между монголо-татарами и Московией Куликовской битве (1380 год). Осенью 1480 года войска Ахмат-хана и Ивана III после незначительных стычек (в основном – перестрелки) одновременно разбежались в разные стороны, так и не вступив в серьёзное сражение. Некоторые исследователи полагают, что обе стороны испугались того, что покрывшаяся льдом река перестанет быть препятствием для нападения. Большинство историков считает, что таким вот образом именно на Угре окончательно закончилось господство ослабевшей и уже поделившейся на части Золотой Орды на севере и северо-востоке земель, огульно называемых Русью.

С конца XV столетия сюда, через земли ВКЛ, считавшегося полноценной частью Европы, устремились многочисленные послы, искавшие возможности заключения союза против Османской империи, и купцы.

Но почему разные авторы и в разный период, от Аристотеля до авторов X века и позже, обозначают северян похожими терминами «*ρως*», «*rhos*», «*ροῦσιος*». Какое единое значение объединяет эти термины в такой степени, что оно распространилось впоследствии и на обозначение восточных славян, и даже стало их этнонимом?

«Роуськаіа правда»

В самом названии и сути этого документа, ставшего юридической основой для взаимоотношений между различными слоями раннефеодального восточнославянского общества есть прямое указание на чёткое разделение восточнославянского государства того периода на две основных части (сословия) и прямое указание на источник происхождения содержащихся в нём норм – закон был продиктован правящей элитой.

«Русская правда», известная также как «Правда Ярослава», была составлена грамотными священнослужителями-греками или их прямыми учениками при участии (или с учётом пожеланий) кого-то из образованных варягов (рос) во времена правления Ярослава Мудрого. Этот князь, сын скандинава Владимира и Рогнеды, скорее всего дочери варяга Рёгнвальда (имя матери неизвестно), ориентировавший свою внешнюю и внутреннюю политику на Западную Европу и тесно связанный с ней, в том числе и путём матримониальных связей своих многочисленных детей с европейскими дворами, назвал утверждённый при нём свод законов в точном соответствии с европейской же традицией – «СОУДЪ ІАРОСЛАВЛЪ ВОЛОДИМИРИЦА, ПРАВДА РОУСЬКАІА».

Слова «соудъ» (суд) и «правда» по своему значению являются в данном случае синонимами и полностью соответствуют значению общепринятой в интересующий нас период юри-

²⁹ Ibidem, p.3. Там же. С.3

дической лексике – латинскому *iustitia* и греческому *δικαιοσύνη* (*дикаиосύνης*) в значении «справедливость, правосудие». А слово «роуськаіа» (русская) употреблено с указанием на авторство или применение (исполнение) этого правосудия в определённой среде. В данном случае – находящихся под властью правящего слоя («рос») среди подчинённого им простого народа – холопов.

Этимология этого слова неясна, а вот значение «зависимый» в тексте «Русской правды» сомнений не вызывает.

По такому же принципу назывались своды законов, хорошо известные в образованной Оттоном I – примерно в тот же период, что и Киевская Русь – Священной Римской империи (962 г.). На протяжении столетий среди вошедших в её состав народов действовали «*Lex Salica*» (введён королём приморских франков-салиев Хлодвигом I (*Clovis Chlodwig, Chlodowech*, годы жизни: 466—511 гг.); «*Lex Burgundionum*», известный также как «*Lex Gundobada*» (введён королём бургундов Гундобальдом (*Gundobad, Gundobald*, годы жизни: 480—516 гг.); «*Lex gentis Langobardorum*» или «*Edictum Rotari*» (принят королём лангобардов Ротаром (*Rotari, Rothari, Chrothar*, годы жизни: 606—652 гг.).

Следуя этой логике, «Русская правда» («Правда Ярослава») была создана властителем-скандинавом (рос) для упорядочения отношения правящей элиты, состоящей из его соплеменников или их потомков, со своими подданными, которые, естественно, участия в составлении этих законов не принимали. Категория людей, именуемая в «Русской правде» холопами, являлась не субъектом, но объектом права. В то же время, согласно постановлениям этого свода законов, правящий слой практически выводился из-под ответственности за правонарушения и оставлял за собой исключительное право вынесения приговора. «Правда» в значении «суд» осуществлялась этими же «рос» посредством «княжеского суда» и поэтому называлась «роуськаіа».

Разделение в ней населения княжества на две категории (правящая скандинавская элита – «русские» и холопы (местные жители – подданные-славяне) совершенно очевидно.

«Правда Ярослава» не появилась на пустом месте. Она только упорядочила и свела воедино уже существовавшие формы отношений между варягами и славянами. В «Повести временных лет» под датой 912 год (последний год правления князя Олега (Ольгъ, Ёльгъ)) написано:

«...если украден будет челядин русский, либо убежит, либо насильно будет продан и жаловаться станут русские, пусть докажут это о своем челядине и возьмут его на Русь, но и купцы, если потеряют челядина и обжалуют, пусть требуют судом и, когда найдут, – возьмут его. Если же кто-либо не позволит произвести дознание, – тем самым не будет признан правым».

«Челядин русский» – подданный руса, скандинава. Иного прочтения тут быть не может. И жаловаться будут скандинавы (русские). А далее следует любопытное разделение. Славяне профессионально торговлей практически не занимались, т.е. купцами как таковыми они не были. Основное занятие восточных славян в этот период – земледелие и скотоводство. Профессионально занимались торговлей, т.е. были купцами те же скандинавы, использовавшие путь «из варяг в греки». Получается, что в этом отрывке речь идёт о двух типах скандинавов: уже осевшие и имеющие власть на восточнославянских землях (русские) и скандинавы-купцы. Термин «рус» оформился и наполнился специфическим смыслом.

В том же, что касается объектов права – челядинах (холопах), то здесь прослеживается ещё одна любопытная деталь. По официальному определению «холо́пство – состояние несвободного населения в Древней Руси. Существуют также и другие термины для обозначения

коренного населения: *холопы* – собственно только лица мужского пола, а несвободная женщина называлась *роба*, *челядь* (ед. ч. челядин), *(о) дьрен*, *обель* или *обельные* и *(о) дерноватые холопы*, позднее просто „люди“, обыкновенно с указанием на принадлежность их кому-либо (выделено нами)³⁰.

Люди, в данном случае – восточные славяне, в те времена не выделяли себя (и не имели никаких оснований делать это) из состава этнической группы, к которой принадлежали, или, с учётом социально-экономических условий того времени, от принадлежности некоему конкретному лицу. До любой формы индивидуализма как возможной формы существования было ещё очень далеко. Сознание людей и, соответственно, языковое выражение многих аспектов жизни в социуме было связано с понятиями племенного коллективизма и феодальной зависимости, которая позднее примет форму крепостного права. Отсюда и формы «*мы из*», «*народ наш*», но не «*я из*», «*народ мой*», которые появятся во многих европейских языках только по мере достижения того уровня экономического развития, при котором человек мог позволить себе жить в той или иной степени независимо от коллектива.

Представляется правдоподобным, что в этот период понятие «*русские*» (от «*рос*» – правящий класс-скандинавы) смешивается с понятием принадлежности им простого, подвластного варягам местного населения, что законсервировалось в русском языке вплоть до XIX века в форме «*чьих будете?*». Вот пример из фактически создателя русского литературного языка:

«*Кирила Петрович обратился к скверному мальчику и спросил его грозно: „Чей ты?“ — Я дворовый человек господ Дубровских, — отвечал рыжий мальчик.*» (А. С. Пушкин. «Дубровский»).

Ещё один спорный вопрос, который при желании можно отнести в сферу грамматики, но грамматика составляет искусственно и, как правило, *post factum*: на основе уже сложившейся разговорной лексической формы и традиций. Любопытно, что в общеславянской (и не только, к примеру, у англичан) традиции есть одно свидетельство, говорящее о принадлежности человека человеку, на которое обычно внимания не обращают. При выходе замуж большинство женщин-славянок меняет фамилию на форму, которая по сути есть ответом на вопрос: «*Чья ты?*» (чит.: кому принадлежишь?). «*Мой муж Иванов и я Иванова*». И при смене супруга суть не меняется: была Иванова – стала Кузнецова или Сидорова). Типичные белорусские и сербские фамилии, заканчивающиеся «*ич*», украинские, заканчивающиеся на «*ко*», под это правило не подпадают.

Если рассматривать интересующую нас проблему под этим углом зрения, то получается, что фраза «*мы русские*» некогда означала не что иное, как принадлежность далёких предков современных русских князьям-скандинавам – «*рось*». То есть «*мы принадлежим русам*». Следовательно, мы – «*русские*».

В то же время, например, требование князя Олега, предъявленное грекам во время осады Константинополя в 907 году, выплатить дань русским городам надо понимать как выплатить дань городам, которыми управляют русы-варяги:

ПВЛ, год 6415 (907): «И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 кораблий по двѣнаѣть гривнѣ на ключь, и потом даяти углады на руские города: пѣрвое на Киевѣ, таже и на Черниговѣ, и на Переяславѣ, и на Полѣтескѣ, и на Ростовѣ и на Любечѣ и на прочая города; по тѣмъ бо городомъ съдяху князья, подѣ Ольгом суще».

³⁰ <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1181263>

«И приказал Олег дать воинам своим на две тысячи кораблей по двенадцати гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу».

Не исключено, что народом «рос», кем бы они ни были – скандинавами или славянами, впервые назвали именно греки, которые, кстати, и снабдили их чем-то вроде рекомендательного письма Людовику Благочестивому. Можно предположить, что в этом не дошедшем до нас письме просто упоминались «люди рос» без всякого уточнения, кто их так называет. Греки, несмотря на упадок Византии, оставались одним из самых культурных народов мира в IX веке и всё ещё были традиционно высокомерны, как это бывает с деградирующими знаменитостями. Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что они скорее придумали какое-то своё название или прозвище появившимся у них варварам, чем воспользовались их собственным *в а р в а р с к и м* названием.

Глава 3. Этимология термина «рос»

Rudhira – ρως – rhos

Формирование языков – процесс сложный, действующий по своим правилам, но его законы не могут быть определены корректно хотя бы по причине давности. Не последнюю роль в этом процессе играют и «случайные» вводные – конкретные исторические обстоятельства. Основные жизненно важные понятия, выраженные фонетически и, как следствие, нашедшие отражение в графических знаках, до неузнаваемости трансформируются по форме, но крайне редко меняют смысл. Слова живут своей жизнью, приобретают новые значения, но при внимательном рассмотрении неизменно оставляют след изначально вложенного в них смысла. Проследить все эти пассажи очень сложно, и любая гипотеза может быть оспорена или подвергнута сомнению, во всяком случае, расценена как условная.

Попытаемся разобраться, каким образом слово «ρως» («rhos», «рос») появилось и в разных формах закрепилось во всех индоевропейских языках. Не исключено, что, как и большинство относящихся к названной группе слов, оно берёт своё начало в санскрите и имеет единую основу – रुधिर – rudhira [рудхира], т. е. «красный, кровавого цвета или оттенка» или «цвета́, имеющие отношение к огню, крови». Будучи связанными с такими важными для жизни человека составляющими, как кровь и огонь, заключённые в этом санскритском слове понятия³¹ с небольшими изменениями сохранились в той или иной форме во многих современных языках. Поскольку кровь и огонь в жизни человека исключительно важны, красный цвет приобрёл ряд специфических значений³² и, среди прочего, стал отождествляться людьми с чем-то приятным, важным и выделяющимся – красотой.

Помимо «rudhira», в санскрите использовалось достаточно большое количество терминов, так или иначе связанных с красным цветом или близкими к нему оттенками:

Помимо «rudhira», в санскрите использовалось достаточно большое количество терминов, так или иначе связанных с красным цветом или близкими к нему оттенками:

³¹ Понятие – логически оформленная общая мысль, отображённое в мышлении единство существенных свойств, связей и отношений предметов или явлений; мысль или система мыслей, выделяющая и обобщающая предметы некоторого класса по определённым общим и в совокупности специфическим для них признакам.

³² Значение (лексическое) – соотношение звуковой оболочки слова с соответствующими предметами или явлениями объективной действительности. Лексическое значение включает в себя не всю совокупность признаков, присущих какому-либо предмету, явлению, действию и т.д., а только наиболее существенные, помогающие отличить один предмет от другого. Лексическое значение раскрывает признаки, по которым определяются общие свойства для ряда предметов, действий, явлений, а также устанавливает различия, выделяющие данный предмет, действие, явление.

अनुरागवन्त् [anurāgavant]	1) красный 2) охваченный страстью;
अरुष [aruṣa]	1) красный, 2) огненный, 3) солнце, 4) день, 5) мн.ч. пламя, огонь, 6) ж.р. утренняя заря;
कषाय [kaṣāya]	1) острый, едкий, 2) ароматный, благоухающий, 3) красный, 4) желтовато-красный, 5) краснота, 6) страсть, 7) жёлто-красная одежда;
माञ्जिष्ठ [māñjiṣṭha]	выкрашенный мареной, красный;
रक्त [rakta]	1. 1) окрашенный, 2) красный, 3) красивый, 4) взволнованный, 5) восхищённый, 6) склонный, расположенный к чему-либо, 7) влюблённый; 2. 1) кровь, 2) шафран, 3) красный цвет;
रक्तक [raktaka]	красный;
रक्ताभ [raktābha]	красный;
(rakta + ābha)	
रागमय [rāgamaya]	1) красный, 2) влюблённый;
राग्नि [rāgin]	1) окрашенный, 2) красный, 3) страстный, 4) влюблённый в кого-либо, 5) склонный к чему-либо;
रोहित [rohit]	красный, как таковой;
रोहित [rohita]	1. красный; красноватый; 2. 1) рыжая или гнедая лошадь, 2) лисица, 3) вид оленя, 4) вид рыбы;
शोण [śoṇa]	1. красный; 2. 1) красный цвет, 2) багрянец, 3) название реки;
संरक्त [saṇrakta]	1) окрашенный, 2) покрасневший, 3) красный, 4) влюблённый; охваченный страстью, 5) разгневанный.

Со временем родственные или близкие по смыслу санскритские слова, связанные с обозначением красного цвета, почти бесследно исчезли и были заменены в индоевропейских языках описательными формами или вобрали в себя значения всех остальных санскритских терминов.

Уже греческий и латинский языки, благодаря высокому уровню культуры их носителей, активно развивавшихся на протяжении столетий, утратили конкретное смысловое значение почти всех приведённых санскритских терминов. Они упростили их изначальный, более точный, специфический смысл, подменив его обобщенным понятием «красный». Приобретая различные фонетические и графические формы, это понятие аккумулировало в себе смысловую нагрузку большинства из приведённых выше значений, выделенных в санскрите отдельными словами-терминами, взяв за основу значения и отчасти форму слова «rudhira». Другие языки,

среди прочих – славянские, не имевшие возможности такого активного развития, как греческий и латинский, и потому в известном смысле являющиеся более архаичными, в большей степени сохранили форму, близкую санскритскому оригиналу.

Основным языком общения в IX веке (период составления Бертинианской летописи, где впервые употребляется слово «*rhos*» [рос] в связке со скандинавами) между образованными греками и франками была латынь, в которой нет точного слова для обозначения цвета обгоревшей под влиянием солнца кожи. То есть нет слова, обозначающего цвет, по которому прибывшие с греческим посольством «*sueonon*» (свеоны) могли быть выделены византийцами среди других известных им людей.

Существовавшее ещё в классической латыни громоздкое «*perusta solibus pernicis*» («пагубно испорченная (сожжённая) солнцем (кожа)») не подходило, так как касалось закалённых палящим солнцем римских легионеров; латинское выражение не в полной мере отвечало состоянию дермы обгоревших под солнцем северян-скандинавов, светлокожих от природы. Поэтому употреблённое Пруденцием слово «*rhos*» несло на себе специфическую смысловую нагрузку, передающую именно свойство приобретать кем-либо или чем-либо оттенки красного цвета. К моменту составления Бертинианской рукописи санскритский термин «*rudhira*» [рудхира] в его первоначальном значении исчез практически из всех европейских языков. В большинстве случаев он был подменён тем, что понимается под словом «красный» или «рыжий» (*rhos*) и, реже, более близким к «*rudhira*»³³ понятием «ставший красным под воздействием солнца», как это произошло в случае, описанном в Бертинианской летописи.

Таким образом, санскритское слово приняло в латыни свою форму, только частично сохранив изначальный санскритский смысл. Вполне возможно, что Пруденций, будучи человеком образованным, сам и придумал этот термин на основе известного ему древнегреческого «*ρως*», или его предложили греки.

В греческом языке того периода также не существовало специального термина для обозначения цвета солнечных ожогов кожи. Лиутпранд, любитель вставлять в свои тексты греческие слова, образованные от латыни и раннеитальянского языка, для описания повстречавшихся ему в Византии людей употребил слово «*ροῦσιος*» (*ro (u) sios*) (порозовевший, краснокоричневый). Можно предположить, что оно появилось в словарном запасе кременца из итальянского языка X века, придя в греческий или беря своё начало от уже существовавшего аристотелевского «*ρως*» (*pos*), видоизменённого, но сохранившего значение «красный» как основную качественную характеристику чего-либо, чаще крови или огня. Это вполне может соответствовать образу человека с прилившей к коже кровью – «*rudhira*», что в полной мере соответствует русскому понятию «румяный» или «алый, огненный (пламенный)», то есть обладающий свойством приобретать оттенки красного цвета.

Санскритское रधर (*rudhira*), отличное от чётких रक्तक (*raktaka*), रक्तभ (*raktābha*, красный цвет) и других терминов, в большей степени соответствовало различным понятиям, характеризующим кровь или имеющим отношение к приобретению кем-либо или чем-либо красного цвета или оттенка («зардеться» – в русском).

Это последнее свойство – «*rudhira*» – оставило свой след и в других современных языках, почти потерявших с ним сходство по звучанию, но образованных от него. В самом близком к санскриту из живых языков – литовском – есть слово «*gaudonas*» (рыжий, красный), созвучное и соответствующее по значению белорусскому «руды», польскому «*gudy*», шведскому «*röd*», норвежскому «*rød*», датскому «*rød*», английскому «*red*».

Классический пример употребления несколько видоизменённого санскритского понятия, заложенного в «*rudhira*», – знаменитый Эрик Рыжий. Предок современных норвежцев, совершивший как минимум два убийства, на своем родном норренском языке звался Eiríkr

³³ В современном итальянском, к примеру, рыжие волосы называются «*capelli rossi*», дословно – «красные волосы».

(Org или Org) Rauði. Его прозвище мало изменяется и в других языках: исландском – Erik Rauði; норвежском – Erik Raude; датском – Erik den Røde; шведском – Erik Röde, в белорусском – Эрык Руды, в польском – Erik Rudy, словенском – Erik Rdeči, греческом – Έρικ ο Ερυθρός и т. д. Традиционно считается, что первооткрыватель Гренландии получил это прозвище в связи с цветом бороды и шевелюры, что немного странно, так как среди норвежцев рыжий цвет волос до сих пор не является редкостью.

Рыжую бороду (*røde skjegget* – норв.) имел даже второй по иерархии после Одина, но первый по популярности древнескандинавский аналог Перуна, метавший небесный огонь и развезжавший на небесной колеснице бог Тор (*Þórr, Þunarr* – норрен.), в котором легко угадывается популярнейший и несколько нетипичный для христианства образ Ильи Пророка. Если оставить без внимания «агиографию» обоих, то в человеческом представлении об их внешнем виде очень много общего. Необходимый атрибут обоих – колесница огненно-красная, разница только в том, что у Тора она была запряжена козлами, а не лошадьми.

То есть выделить Эрика подобным прозвищем из числа соплеменников, взяв за основу распространённый цвет волос, можно, но не совсем логично. Для такого прозвища должна была быть другая весомая причина. С большей долей вероятности можно предположить, что «рудым» (рыжим или красным, приобретшим качество, связанное с красным цветом) он стал после убийств своих соплеменников (кровопролитие, появление на его руках крови). Именно по этой причине, а не из-за желания путешествовать он вынужден был пуститься в далёкое и рискованное даже для викингов плавание в «никуда» и попал в Гренландию.

В русском языке тоже прослеживается достаточно очевидная связь различных понятий со смысловым содержанием санскритского «*rudhira*». Русская лексема «красный» (о цвете) часто переплетается с понятием «красивый» (*красна* девица с *румянцем* на лице или красной косметикой — *румянами*). Ещё ближе по значению к санскритскому термину русское слово «*рдеть*», «*зардеться*», то есть «иметь лицо с прилившей к щекам кровью»; следовательно, приобрести качество, связанное с красным цветом. Отмечая красоту увиденных им «русов», Ибн Фадлан употребляет слово, переведённое на русский язык как «красны лицом», но в этом случае вполне можно прибегнуть и к синониму «румяные».

Любопытен и тот факт, что Красная площадь названа «красной» совсем не в связи с цветом кремлёвских стен, возведённых намного позже, чем появилось название. С самого основания Москвы на этом действительно красивом месте проливалась кровь приговорённых к казни. Происходило это ещё до случившегося в конце XV века пожара, который и дал на некоторое время название площади – «Пожар». Таким образом, в названии «Красная площадь» слились значения, в полной мере соответствующие санскритскому «*rudhira*»: пролитие крови, наличие огня, плюс «красное» в смысле «красивое».

С этим же понятием, вложенным в санскритское слово «*rudhira*», связаны и русские глаголы «красить» и «украсить», то есть сделать красивым, приятным на вид, привлекательным. Красный цвет на протяжении столетий был отличительной характеристикой элиты – «законодательницы» моды.

Для жителей Средиземноморья глагол «сгореть» (т.е. получить солнечный ожог, стать красным) особой актуальности не имел, так как явление это мало отражалось на смуглых априори носителях греческого и латинского языков. Сгореть на солнце им сложно в силу генетической пигментации. Поэтому и специального термина в этих языках не существовало и не существует.

Практически во всех индоевропейских языках не существует специфического обозначения состояния изменившей свой цвет под

воздействием солнца кожи, но оно объясняется при помощи сложносоставных слов-метафор, вошедших в словарный запас где-то в эпоху Возрождения, когда стали обращать внимание на цвет кожи. Привилегированные классы (прежде всего женщины) в этот период старались выделяться белоснежностью кожи, отличавшей их от работавших под открытым небом крестьянок. В современном греческом это «μαυρισμένη» (mavrismeni) – что-то (в данном случае кожа) почерневшее, в том числе и от солнца, сажи, копоти, чернил или чего-либо другого (μαύρος – чёрный); «tanned» (англ.) – прошедшая дубление (солнцем); «abbronzato» (ит.) и «bronceada» (исп.) – приобретающая цвет бронзы; «bronzé» (фр.) – бронзовая и т. д.

Загоревший в походе римлянин средних веков приобретал цвет бронзы («adustus color»). С жителем Апеннин времён Лиутпранда Кремонского, как и с нашим современником, происходит то же самое: никакого действия, напоминающего об огне, в его языке не подразумевается. Сохраняя латинское описание сути проблемы, он по-прежнему приобретает цвет бронзы («abbronzato»). По этой причине имевшиеся в распоряжении греков термины, начиная с Аристотеля и до времён составления Бертинианской летописи, способные в точности передать вид покрасневшей на солнце кожи человека, попросту не существовали. По латыни человека с неестественным для древних римлян цветом кожи, в том числе и покрасневшей, называли «coloratus» (цветной, окрашенный) или чаще совершенно неприемлемым для данного случая «infectus» (заражённый). В связи с этим и в латинском, и в греческом языках требовался специальный термин для обозначения обгоревших на солнце людей. Возможно, им и стало аристотелевское «ρωσ» [рос], превратившись у Пруденция в латинское «rhos», у Лиутпранда – «rusios» [ру (о) осиос], и, наконец, привело к более поздним формам – «рос», «Русь», «rus» и т. д.

Рос: экзоэтноним или эндоэтноним?

Вернемся к событиям 838 года: некие шведы прибыли к грекам (одному из самых грамотных по тем временам народов в мире!). Вполне вероятно, что греки приняли собственное имя чужеземцев и записали его греческими буквами. Предположение не новое. Полемизируя с известными сторонниками норманнской теории Иоганном Кругом³⁴ и Августом Шлёцером³⁵, об этом упоминает один из столпов скифо-сарматской теории Степан Геденов³⁶:

³⁴ Иоганн Круг (Johann Philipp Krug, 1764—1844) – археолог, нумизмат и историк. Закончил университет в Галле (Саксония). В 1795 году переехал в Россию. Академик императорской академии наук. Был назначен главным хранителем библиотеки Эрмитажа, но отказался от этой должности. В 1832 году получил чин действительного статского советника за вклад в развитие российской исторической науки. Автор труда «Критические разыскания о древних русских монетах» (СПб., 1807). Занимался проблемами древнейшей русской хронологии. Известны его доклады «Об источниках Нестора»; «Проверка некоторых чисел в русских летописях» и «Поправка хронологии в русских летописях первой половины XII века». В 1810 году был опубликован его фундаментальный труд «Kritischer Versuch zur Aufklärung der Byzantinischen Chronologie» (Критический опыт Византийской хронологии в связи с древнейшей историей Руси). В этой монографии он доказал подвергавшиеся ранее сомнению факты древнейшей русской истории, установил точное время крещения Ольги в Константинополе, доказал подлинность договоров Олега и Игоря с византийцами и т. д. Внёс много поправок и дополнений в труды известнейших византинистов западной Европы. Активно содействовал образованию Российской Археологической комиссии.

³⁵ Август Людвиг Шлёцер (August Ludwig (von) Schlözer, 1735—1809) – российский и германский историк, публицист и статистик. Один из авторов норманнской теории. Почётный член Академии наук и Общества истории и древностей российских. Издал «Annales Russici slavonice et latine cum varietate lectionis ex codd. X. Lib. I usque ad annum 879», автор посвящённых России научных работ «Das neue veränderte Russland»; «Geschichte von Lithauen»; «Allgem. Nord. Geschichte» и др. Активно содействовал публикации «Истории Российской» В. Н. Татищева. Автор работ по древнерусской грамматике, истории, палеографии. В 1803 г. за свой вклад в российскую историческую науку был награждён орденом св. Владимира IV степени и возведён в дворянское достоинство. В последние годы жизни признал и доказывал аутентичность «Слова о полку Игореве». Имел неосторожность вести полемику с оказавшимся в придворных фаворитах М. Ломоносовым и был вынужден покинуть Россию. Вернувшись в Германию, преподавал историю и статистику в Гёттингенском университете.

«По Шлёцеру, вследствие принятой им системы финно-скандинавского происхождения руси, эти шведы назвались в Константинополе тем именем Ruotsi, которым их обзывали чудские племена. Принять ли, что и в Ингельгейме они явились под своим чудским названием? На это не достало духа и у самого Шлёцера. Но если в Ингельгейме они назвались настоящим своим именем шведов, то почему же не назвались они этим именем и в Константинополе? Круг понимает не менее Шлёцера, что неслыханное для шведов имя Rhos должно было поразить своей дикостью западного императора; но указать на это имя как на прямую причину подозрений Людовика он не смеет; греческое посольство разъяснило бы тотчас, что этим именем (красные) называли себя не сами шведы, а были так прозваны греками»³⁷.

В полемике с известными норманистами даже их убеждённый оппонент Гедеонов соглашается, что в основе определения термина, употреблённого для обозначения прибывших ко двору Людовика Благочестивого скандинавов, лежит красный цвет. Действительно, греки могли ещё в Константинополе назвать этих прибывших к ним в 838 году людей более понятным при дворе императора латинизмом *ῥούσιος* (*rüssios* – рыжий, красный), попавшим в греческий язык в равеннские времена.

Имеется в виду Равеннский экзархат (VI – VIII вв.) – административно-территориальная единица Восточной Римской империи на территории современной Италии.

С учётом часто встречающейся в древнегреческом и латыни диссимилиации отдельных звуков это вполне возможно. При составлении письма в Константинополе византийские чиновники сами могли опустить типичное греческое окончание «*sios*», написав «*ῥούσιος*» для императора Священной Римской империи на латинский манер – «*rhos*». Но не исключено, что позже это сделал сам епископ Пруденций.

Любопытно упоминание Гедеонова о том, что и говорившие на угро-финском языке чудские племена, в той или иной степени покорённые скандинавами, пользовались для обозначения их таким же словом, что и византийцы, от скандинавов не зависимые и ничего общего с угро-финнами в области языка не имевшие. Это наталкивает на мысль, что употреблённое в разных вариантах слово «рось» могло быть эндоэтнонимом и этнонимом, за которым стояла какая-то ярко выраженная общая характеристика скандинавов. Скорее всего, красный цвет, который так часто упоминается в различных источниках.

Красные от меди

Ещё одной причиной, по которой скандинавов обозначили словом «рос» и связанными с ним производными от санскритского «*rudhira*» [рудхир], вполне могла оказаться медь,

³⁶ Степан Александрович Гедеонов (1816—1877 гг.) – российский писатель и административный деятель. По протекции друзей отца (А. М. Гедеонов – директор императорских театров обеих столиц. Обер-гофмейстер. Действительный тайный советник) был направлен помощником заведующего археологической комиссией в Риме, созданной для приобретения древностей в коллекцию Эрмитажа. Одновременно курировал находящихся там стипендиатов Императорской Академии Художеств. По возвращении в Санкт-Петербург был назначен директором Эрмитажа. В 1867 г. получил назначение на место директора театров, но ничем особенным себя на этой должности не проявил. В 1875 г. Гедеонов был освобождён от управления театрами, формально оставаясь руководителем Эрмитажа. Автор трагедии «Смерть Ляпунова». Написал программу оперы-балета «Княжна Млада», переработанную М.И.Петипа в балет «Млада», поставленный в Петербурге в 1879 году, и Римским-Корсаковым в оперу-феерию «Млада», поставленную в 1892 г. Стал известен благодаря единственной крупной работе «Варяги и Русь», изданной в 1876 году.

³⁷ Степан Гедеонов. Варяги и Русь. Разоблачение «норманнского мифа». Репринт 1876 г. «ЭКМО-АЛГОРИТМ». Москва, 2011. С.318—319.

в больших количествах добываемая из красноватой по цвету породы – *руды*, содержащей этот металл.

Лежащая на поверхности и поэтому легкодоступная, медная руда издавна широко использовалась в Скандинавии для бытовых целей и, безусловно, для различного рода украшений. Золото и серебро в чистом виде было доступно только состоятельным людям, большинство же скандинавов довольствовалось бронзой, которую покрывали более ценными металлами и камнями, что зависело от материальных возможностей³⁸.

В ранний период образования своей государственности варяги чеканили и монеты с большой примесью меди (например, монеты, отчеканенные при Эрике I «Кровавая Секира», конунге Норвегии с 930 по 934 гг.).

К сожалению, автору не удалось получить пробы этой раритетной нумизматической ценности, но по виду эти монеты выглядят как имеющие большую примесь меди. Один из редких оригиналов этой монеты находится в Британском музее (Лондон).

Изделия из меди были одним из товаров, экспортируемых скандинавами по пути «из варяг в греки».

Спустя несколько столетий медь сыграет в истории скандинавов, прежде всего – шведов, особую роль. В середине XVII столетия было решено изготавливать основную массу шведских монет из лежавшего буквально под ногами и с древности знакомого металла – меди, главного природного ископаемого страны. Руду добывали практически лопатами. В результате количество медных рудников невозможно было даже точно подсчитать – копали «кому не лень». Добыча меди на несколько лет стала основой экономики страны. Апогей скандинавской «медной лихорадки» пришёлся на годы правления королевы Кристины Шведской (королева с 1632 по 1654 гг.). Её видение экономических проблем страны было незамысловатым: нет денег – накопайте больше медной руды, часть продайте в Европу, где добыча и переработка медной руды была менее развита, и отчеканьте больше шведских монет. Некоторое время этот принцип работал, а потом цены на медь на европейском рынке упали, произошло непредвиденное, но закономерное – дефолт. Неофициальный, но очень распространённый и любимый современными шведами символ страны – «красная лошадка», ставшая красной от пыли таскаемой на ней из рудников меди, перестала быть «деньгоносной» и превратилась в просто гужевого транспорт, таскающий ископаемое, неожиданно ставшее менее полезным... В то время и появились в Швеции одни из самых тяжёлых в истории человечества металлические деньги (платы) за пуд весом, на смену которым уже после Кристины пришла другая крайность: в 1661 году были массово выпущены первые в Европе бумажные деньги, стоимость которых подтверждалась запасами всё той же меди.

Учитывая их сравнительно низкую стоимость, можно с большей долей вероятности предположить, что часть этих изделий реализовывалась среди имевших контакт с варягами восточных славян посредством натурального обмена ещё по дороге в Византию.

³⁸ «А на груди женщины прикреплено кольцо или из железа, или из меди, или из серебра, или из золота, в соответствии с богатством ее мужа. И у каждого кольца — коробочка. Некоторые женщины носят прикрепленный к кольцу нож. На шеях у них — несколько рядов бус из золота и серебра...». Цит. по: Крачковский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Изд. Харьковского Государственного университета. Харьков, 1956. С. 141.

Красный оттенок имели и корабли скандинавов: преимущественно их делали из ясеня и лесного ореха. Красноватый природный оттенок этих сортов древесины при контакте с водой становился более насыщенным.

Широко использовался красный цвет и в важнейшей для варягов сугубо военной сфере. Щит, обязательный атрибут любого взрослого мужчины, как правило, был цветным. Самый популярный и, естественно, самый распространенный красный щит означал, что его владелец настроен враждебно, белый – был знаком готовности к ведению переговоров.

*Вышли с ней мы
конунгов подвиги,
были на тканях
воины князя,
щиты красные,
гуннов воители.
С мечами и в шлемах
княжся дружина...*³⁹

Похоронный обряд

Немаловажным свидетельством связи первых князей-викингов с огнём («красным» в рамках смысла санскритского «rudhira») был и их похоронный обычай⁴⁰, заключающийся в сожжении покойного вместе с его имуществом и близкими ему людьми. Восточные славяне хоронили своих усопших по иной языческой традиции, которая только сейчас стремительно исчезает на наших глазах. С древнейших языческих времён восточные славяне устраивали для покойника нечто, подобное хозяйству усопшего при жизни: это огороженный «оградкой» кусочек земли с гробом (домом) в центре. В достаточно архаичном белорусском языке даже сохранилось слово «*дамавіна*» (гроб), подтверждающее символичность устроенного таким образом захоронения. Поэтому предание огню в таком важном для любой культуры обряде могло быть ещё одним аргументом для обозначения скандинавов в связке с понятиями, заложенными в санскритское «rudhira». Славяне своих покойников не сжигали. Это было обычаем и прерогативой только правящего класса – варягов.

Одежда

Красный цвет очень ценился в одежде викингов. Моду на красный цвет они принесли с собой и в восточнославянские земли. Археологическими раскопками это подтвердить сложно, так как красную одежду носили преимущественно знатные скандинавы, тела которых при захоронении сжигались. Тем не менее, свидетельства ношения одежды красного цвета остались. Привязанность к особо ценимой красной одежде скандинавы сохранили на восточнославянских землях и после укрепления их в качестве руководителей-князей. Пример тому – ассортимент товаров богатейшего среди славянских городов торгового центра Новгорода.

³⁹ Стих 15 «Второй песни о Гудрун».

⁴⁰ См. подробное описание похоронного обряда викингов (русов): Крачковский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Изд. Харьковского Государственного университета. Харьков, 1956. С. 141 или http://www.adfontes.veles.lv/arab_slav/fadlan/fadlan.htm [29.08.2014].

Даже после ослабления коммерческих связей на пути «из варяг в греки» одним из самых дорогих и ценных товаров новгородских купцов была красная ткань, стоившая дорого и по этой причине предназначавшаяся для состоятельных людей, т.е. правящей элиты (читай: князей-варягов). Одежда из неё кроилась тщательнее и была более изысканной, чем одежда людей попроще. Потому носившие её знатные люди тех времён и их жёны считались «красными», то есть «красивыми». Викинги с большим вниманием относились к внешнему виду своих избранниц. Одежда и украшения их дам были показателем состоятельности, напрямую зависящей от доблести супруга-воина, в связи с чем на роскоши не экономили. Любопытная деталь: в русском языке с тех времён сохранилось выражение «красна девица», а вот «красный молодец» как-то не звучит. Мóлодцы обычно «дóбры».

Князь с сыновьями. Грановитая палата, Московский Кремль.

Указания на то, что моду на красную одежду в восточнославянские земли занесли с собой викинги, дошли до нас и через письменные источники. Красный цвет (gauftr) одежды фигурирует в древних скандинавских сагах как символ богатства и родовитости тех, кто её носил. В одном из самых знаменитых памятников древнескандинавской литературы – «Песне

о Харальде» («*Haraldskvæði eða Hrafnsmál*») – описывается внешний вид приближённых предводителя викингов Харальда (*Haraldskvæði*, Гаральда) Прекрасного⁴¹, где термины «красный» и «красивый» употреблены как подтверждающие друг друга синонимы:

*19. Á gerðum sér þeira
ok á gollbaugum
at eru í kunnleikum við konung,
feldum ráða rauðum,
vel fagrrenduðum,
sverðum silfrvöfðum,
serkjum hringofnum,
gyldum andfetlum,
ok gröfnum hjálmum,
hringum handbærum,
es þeim Haraldr valði.*

*19. По наряду заметно их
и по кольцам из золота,
что друзья они конунгу.
Плащами владеют красными,
красивыми, полосатыми;
мечи, серебром обвитые,
рубахи колыцелетёные,
клинков дорогие перевязи,
и шлемы, все изузорены,
запястий обручья ценные,
что выбраны для них Харальдом.*

Простолюдины-викинги повседневно использовали вещи из неокрашенных тканей, только в особых случаях одевая крашеную одежду, но никогда красного цвета. Последний был знаком отличия высшего сословия – конунгов и их приближённых. Примеры ношения красной одежды простолюдинами отсутствуют⁴². Вот как описываются в 19 стихе уже упоминавшейся «Второй песни о Гудрун», составленной на основании древних фольклорных текстов, пришедшие к легендарной правительнице:

*Вальдар датский,
и Ярицлейв с ним,
Эймод третий,
а с ними и Ярицкар
в палату вошли,
подобны князьям,
Лангбарда воины,
в красных плащах,
кольчуги их в золоте,
острые шлемы,*

⁴¹ См.: <http://norse.ulver.com/person/topchi/hrafnsmal.html> [30.08.2014].

⁴² См. сборник древнескандинавских (исландских) саг о богах и героях скандинавской мифологии и истории «Старшая Эдда», предположительно составленный исландским священником, писателем и учёным Сэмундом Мудрым (*Sæmundr fróði Sigfússon*), жившим в 1056—1133 гг.

*мечи у бедра,
волосы темные.*

Использование красного цвета в одежде у скандинавов появилось, скорее всего, незадолго до освоения пути «из варяг в греки», с началом их экспансии в регион восточной Атлантики.

Справка. Впрочем, есть свидетельство об употреблении красного цвета и в значительно более ранний период: одежда ярла из погребения V века в Эвбю (*Evebø*) в Норвегии. На усопшем было найдено два шерстяных одеяния, обряженных одно поверх другого. Красная нижняя рубаша была украшена богатой тесьмой на вороте, манжетах и подолу, причем рукава были с бронзовыми застежками. Лёгкий прямоугольный плащ с бахромчатыми краями представлял собой красную накидку с синими и желтыми полосами, которые образовывали квадраты 12 x 12 см. По краям были нашиты тканые ленты с сине-зеленым или желто-красным орнаментом.

В качестве красителя для него брали особый вид травянистого растения *красильная марена* (*Rubia tinctorum*), распространённого во Франции и на Британских островах, попавших в сферу интересов варяжских отрядов несколько раньше, чем восточнославянские земли. Это многолетнее травянистое растение с деревянистым горизонтальным корневищем и разветвленными побегами, достигающее высоты 1,5 – 2 метра, в Скандинавии не встречается. Возможно, викинги закупали этот краситель и привозили на родину или приобретали разными способами уже выкрашенные в красный цвет ткани во время посещения прибрежных поселений указанных областей.

Одним из «законодателей» и «популяризаторов» этой моды вполне мог быть уже упоминавшийся Харальд III.

На основании фрагментов окрашенной мареной в красный цвет одежды и предметов, рядом с которыми они были найдены в скандинавских погребениях, археологи полагают, что все экземпляры названной одежды связаны с высоким статусом её владельцев.

В «Саге о Кормаке» (*Kormáks saga*) в 12 главе герой упоминает одежды, окрашенные красным лишайником *hosu mosrauða*⁴³ (*Red lichen* – англ.; *Lichenes rubrum* – лат.). Для окраски тканей скандинавы использовали и другие виды лишайника как одни из самых распространённых типов растений в регионе постоянного проживания и первоначальной экспансии за границы своих территорий. Но особое предпочтение они отдавали *lichen tartareus*, известного также как исландский *litunarmosi* (красильный лишайник), а на Фарерских островах как *korkji*, происходящего от древнеирландского *corcur* (пурпурный).

Ещё одним распространённым и легкодоступным скандинавам красителем, дававшим красноватый оттенок, был обычный *лесной орех* (*Juglans regia*). О его использовании говорят находки из Хедебю (*Hedeby, Denmark*) и Усеберга (*Oseberg, Norway*), которые сейчас, пролежав в земле более тысячи лет, выцвели и стали коричневыми.

⁴³ См.: <http://norse.ulver.com/src/isl/kormak/index.html> [28/09/2014].

Гобелен викингов с изображением древа жизни в центре, предположительно 11 век.

Для получения эксклюзивного красного цвета у скандинавов вполне могли существовать и другие доступные им рецепты, один из которых приводится в «Инсбрукском манускрипте» XIV века:

«Пусть возьмёт крабов и хорошо прокипятит их в воде, и выбросит из горшка всё, кроме панцирей, и оставшееся вскипятит. Разотри (панцири крабов) в ступке и процеди через ткань, и хорошо перемешай их с квасцами, пока цвет не станет красноватым; или если кто-либо хочет сделать цвет более тёмным, пусть добавит туда ярь-медянки»⁴⁴.

Особым образом древние скандинавские авторы выделяли одежду алого цвета, но известный о ней в источниках интересующего нас периода не содержится.

Справка. Одежды алого цвета появляются у скандинавов в позднем средневековье, в конце эпохи викингов. Для получения этого цвета – пика моды на красный цвет – использовался драгоценный «кermес» (*kermes vermilio*), производившийся на основе сушёных тел чешуйчатых насекомых «дубовый червец» (*coccus ilicis*), которые обитают на кermесоносном вечнозелёном дубе (*ilex* или *quercus coccifera*), растущем только на побережье Средиземного моря.

Современные исследования показали, что основным красителем тканей у скандинавов было всё же *индиго*. Следовательно, большая часть одежды, которая подвергалась крашению, была синего цвета, а красный во всех его вариантах был отличительным цветом варяжской элиты – конунгов и их приближённых.

В немалой степени закреплению красного цвета за варяжской элитой способствовали прямые контакты варягов-наёмников с константинопольским двором, где цветовым символом императора как в повседневной жизни, так и на изображениях были различные оттенки пурпурного. Попав в культурную, экономическую и религиозную зависимость от Византии, ставшие князьями восточных славян варяги просто не могли не перенять эту традицию от греков. С той лишь разницей, что откровенный пурпур они себе позволить не могли по двум причинам: первая – соображения, связанные с хотя и во многом условным, но вассальным подчинением Византии, проявлявшемся, среди прочего, в признании старшинства константинопольского престола и, безусловно, византийской Церкви; вторая – настоящий пурпур получался из драгоценного, известного ещё финикийцам и древним иудеям красителя, основой для которого были средиземноморские моллюски (все некрофаги) – *Murex brandaris* (*Bolinus*

⁴⁴ См. сборник: Римские деяния. / Инсбрукский манускрипт. СПб, 1877—1878.

brandaria), *Hexaplex trunculus* и *Thais haemastoma*. Этот вид красителя был не только дорог и редок, но и физически малодоступен скандинавам.

С началом экспансии варягов за пределы Скандинавии избранницы знатных скандинавов очень быстро переняли саксонскую (западноевропейскую) моду и, скорее всего, некоторое время сохраняли её на землях восточных славян. Точных сведений об этом нет, но с большой долей вероятности можно предположить, что многочисленные дети Ярослава Мудрого, сочетавшиеся браком с представителями/представительницами западноевропейских дворов, и одевались соответствующим образом, задавая тон приближённым. Поэтому красный цвет для них утратил былую значимость.

Положение изменилось в соответствии с новой политической ситуацией в конце XI века, чему способствовало несколько факторов. Путь «из варяг в греки» стал нерентабельным и потерял свою актуальность. Норманны расселились и организовали свои государства на землях, прилегающих к Атлантическому океану, завоевали Сицилию, Калабрию и Апулию. Необходимость в использовании опасного (половцы) и более сложного в климатическом и географическом смысле пути в Византию и Азию сошла на нет. Образовались новые, более надёжные экономические связи норманнов с остальным миром, при которых перемещение товаров осуществлялось по морю и предполагало «поэтапность» – от порта до порта.

На этом новом уровне развития международного рынка не обязательно было непременно отправляться за редкими, востребованными товарами непосредственно в места их производства. Проще было приобрести их в каком-то близлежащем пункте. Кроме того, у расселившихся по побережью норманнов отпала необходимость доставлять эти товары на историческую родину. Движение по протекавшим через восточнославянские земли рекам, перетаскивание гружёных, хоть и малогабаритных судов волоком, опаснейшие днепровские пороги и прочие трудности сделали путь «из варяг в греки» нецелесообразным. Далеко не последнюю роль в изменении политической ситуации сыграло и появление на исторической сцене половцев, не только досаждавших молодым государствам Юго-Восточной Европы, в той или иной степени входившим в сферу влияния разбогатевшего на контроле торговли с Византией Киева, но и сделали продвижение на южном промежутке «пути» ещё более затруднительным. Положение усугубилось после начала монголо-татарского нашествия. Большая часть восточнославянских земель была оторвана от западноевропейского мира и вынуждена направить свои политические и экономические интересы в диаметрально противоположную сторону. Начиная с конца XI века, восточнославянские князья женились и отдавали дочерей замуж за своих восточных соседей; а затем, после освобождения от монголо-татар и до XVIII века, женились преимущественно на собственных подданных. Таким образом, варяги, осевшие на восточнославянских землях, обособились от своих собратьев, но ещё долгое время сохраняли значительную часть древних традиций, *volens nolens* принимая азиатские обычаи и культуру. Едва ли не единственным сохранившимся от былых времён штрихом одежды остался красный цвет, исполнявший свою функцию отличительной черты привилегированного сословия вплоть до конца правления выходцев из Скандинавии – Рюриковичей. Красный цвет одежды правителей и их приближённых традиционно соблюдался. Так, самая дорогая и престижная обувь – сафьяновые сапожки – практически всегда были красными или с красным оттенком.

Владимир Мономах и Святополк Изяславич в Любече.
Художник: Алексей Кившенко.

Влияние кочевников, естественно, отразилось и на внешнем виде славян, особенно тех, которые находились в более тесном контакте с ними, т.е. самых восточных славянах – предков современных русских.

Как одевались восточные славяне до появления в их истории тюркского фактора, известно сравнительно мало. Основные сведения об этом получены в результате археологических раскопок, которые не позволяют составить целостной картины. Полностью сохранившихся до нашего времени предметов одежды IX – XIII веков нет, поэтому учёным приходится основывать предположения на исследовании фрагментов одежды и украшений, найденных в городищах и захоронениях. Некоторый свет на эту проблему проливают изображения на древних фресках, иконах, книжных иллюстрациях-миниатюрах, гобеленах, но большинство их создано в более поздний период и по понятным причинам не отражает полной и объективной картины внешнего вида жителей восточнославянских земель, практически исключая из числа изображённых представителей среднего и низшего социальных уровней. Изобразительное искусство того времени было посвящено описанию событий святых и правителей.

Влияние кочевников было так велико, что ставшие впоследствии традиционными одежды самых восточных славян (предков современных русских), покрой и даже названия имеют тюркское происхождение. Мода на сарафаны, кафтаны, височные украшения и прочее разделила народы, которые сейчас почему-то принято огулом называть «восточные славяне». Жившие западнее, предки современных белорусов и украинцев, под влияние тюркских народов не попали вовсе или попали в незначительной степени, но об этом речь пойдёт ниже. После смерти Ивана Васильевича Грозного Московская Русь, ещё на протяжении столетия продолжавшая оставаться скорее азиатской, чем европейской страной, хранила верность красному цвету как цвету элиты. Но с «прорубанием окна» в Европу Петром I приоритеты сменились. Привезённая и насильно вводимая первым российским императором мода не предполагала красного цвета, так как была им взята из Западной Европы. С того периода поменялись и матримонимальные традиции русской элиты в сторону предпочтения западных невест, по преимуществу германского происхождения, следовавших западноевропейскому стилю в одежде.

При выборе новой правящей династии в начале XVII столетия элита самого восточного славянского государства – Российского – по инерции предприняла попытку сохранить свою зависимость от скандинавов; но уже с середины следующего столетия бразды правления в ней перешли в руки выходцев из германских земель. Мода на красный цвет как привилегию

высшего сословия закончилась, понятия «красный» и «красивый» окончательно разделились, оставив напоминание о своей связи только в этимологическом смысле.

Справка. После выдвижения различных кандидатур, так или иначе связанных со Скандинавией (Владислав IV и Карл Филипп из шведского рода Ваза (Vasa – швед.) и Михаил Романов), в конце «Смутного времени» на Романове остановились не только потому, что «годами мал и умом недалёк». Одним из немаловажных факторов для этого послужило то, что Михаил был православного вероисповедания, но из рода обрусевших пруссов. С 1762 года, с получением права на престолонаследие сыном Анны Петровны и герцога Карла-Фридриха Гольштейн-Готторпского, ситуация окончательно изменилась. По династическому договору их сын Карл Пётр Ульрих Гольштейн-Готторпский стал императором Петром III. Таким образом, по генеалогическим правилам российский императорский род (династия) стал именоваться Гольштейн-Готторп-Романовским, а императорский дом – домом Романовых. Последний из них, Николай II, по подсчётам знаменитого биолога, академика Николая Кольцова, имел в своей крови только 1/128 часть русской крови.

Обозначение «*рос*» варяги могли получить по нескольким взаимодополняющим причинам, каждая из которых в отдельности может быть спорной, но все вместе они вполне могли служить основанием для того, чтобы название «*ро (у) с*» закрепилось за правящим восточными славянами социальным слоем (элитой), на первых порах состоящем исключительно из норманнов и их прямых потомков.

Глава 4. «Рос» и принятие христианства

Первых скандинавов, осевших и укрепивших своё положение на восточнославянских землях, какая-либо идеология государственного устройства не интересовала: их первоначальные задачи стояли вне государственной и идеологической экспансии. Попавшие в Новгород Рюрик и его приближённые не могли помышлять ни о государстве, ни тем более об объединяющей идеологии – слишком шатким было положение наемников, поступивших на службу по приглашению и наверняка с заранее согласованным размером оплаты услуг. Однако уже очень скоро ситуация изменилась, чему естественным образом способствовало стечение нескольких обстоятельств.

Одно из них – постепенное упрочение позиций скандинавов в качестве военных и отчасти административных руководителей довольно разрозненных восточнославянских племён, которым для усиления и стабилизации власти не хватало самого необходимого – объединяющей идеи (прототипа того, что сейчас называют «национальная идея»). То ли сбылись планы Провидения по поводу восточных славян, то ли помог его величество случай, ответ на этот вопрос зависит от мировоззрения задавшегося им и вольного трактовать дошедшие до нас сведения в зависимости от собственных убеждений.

Как бы то ни было, но остаётся фактом: из Византии вместе с диковинными товарами, подлежащими очень выгодному обмену с оставшимися в Скандинавии старшими братьями и их прямыми потомками, варяги получили ещё более ценное и неожиданное приобретение: незнакомую им ранее систему устройства социума – христианство. Будучи уже много веков морально и юридически оформившейся, основанная на христианских ценностях, эта модель общества (в данном случае – византийская) представляла собой строго пирамидальную централизованную структуру, именно то, чего не хватало варягам для консолидации восточнославянских племён, в повседневной жизни которых они уже заняли достаточно важное место. Главную роль в этой модели, по аналогии с христианским Богом Отцом, возглавляющим Святую Троицу, исполнял один человек – князь (в Византии – император), опираясь на самых близких ему людей (ближайших родственников и сподвижников). Далее следовали подчинявшиеся главе по всё более расширяющимся слоям другие члены общества, в той или иной степени от него зависимые.

Основанная не на вынужденной субординации патриархально-племенных объединений, но на вере, эта базирующаяся на христианской идеологии структура была быстро оценена, принята язычниками-скандинавами и стала своего рода товаром, который скандинавы в силу своего положения младших братьев, не имевших права наследовать, не могли предложить на родине, но успешно передали племенам, проживавшим на берегах их водных путей – восточным славянам.

Справка. О том, что христианство для оказавшихся среди восточных славян варягов было прежде всего выгодно им в корыстно-политических, но не сугубо религиозных (мировоззренческих) целях, говорят факты. Оставшаяся вдовой после смерти князя Игоря Ольга (Helga или Эльга, принявшая после крещения имя Елена), (ум. 969 г.), по свидетельству «Повести временных лет» происходившая от неизвестных родителей «языка варяжского», крестилась потому, что из имевшихся в её распоряжении идеологий только христианство византийской традиции позволяло ей законно стать правительницей. В отличие от Западной Римской империи, в Константинополе женщины обладали не только формальной, но и реальной властью: императрица св. Феодора (ум. 548 г.), супруга Юстиниана I; самостоятельно правившая Ирина (ум. 803 г.); императрица бл. Феодора

(ум. 867 г.). При этом закопавшая живьём послов древлян и коварно сжёгшая их столицу, Ольга приняла христианство обманом, не став женой (читай: подданной, но не правительницей) императора Константина III Багрянородного, которого сделала своим крёстным отцом. Константин хотел получить Ольгу в жёны, но хитроумная варяжка после крещения заявила ему, что «на крестниках не женятся», и продолжила железной рукой править Киевским княжеством. Немного позже она спокойно признаётся святой, то есть человеком, действия которого после крещения не подлежат критике с точки зрения христианства, ставшего благодаря князьям-варягам государственным вероисповеданием.

Рациональный подход скандинавов к вопросу выбора веры совершенно ясно прослеживается в основном из дошедших до нас исторических свидетельств: «Повести временных лет» (далее: ПВЛ). Даже с учётом существовавших правил поведения и отличного от современных норм отношения к основным моральным принципам, существовавшим более тысячи лет назад, абсолютное большинство поступков, описанных автором ПВЛ в этой связи, напоминает скорее уголовную хронику и удачно проведённую греками шпионскую операцию.

В сохранившихся летописях обращает на себя внимание быстрота, с которой варяги-язычники отказывались от обычного для них образа жизни и принимали, по крайней мере внешне, христианские ценности, абсолютно иные и, как правило, диаметрально противоположные языческим традициям. Вне всякого сомнения, пути Господни неисповедимы, но некоторые обстоятельства христианизации восточных славян наталкивают на размышления.

Примеров внезапного прозрения и обращения в христианство множество, но, судя по дошедшим до нас источникам, в случае восточнославянских земель, они впечатляют не своей частотой, но организованностью и формой принятия новой веры в прямой зависимости от социального статуса «неофитов». Если простой люд без лишних объяснений силой загоняли в воду и наскоро совершали непонятный ему обряд крещения, то объяснений этому может быть как минимум два: изливание особой Божественной благодати или какие-то иные, более приземлённые мотивы, скорее политические.

Стоит выделить сам подход к проблеме. Кн. Владимир, предки которого начинали торговыми людьми на пути «из варяг в греки», выбирает ВЕРУ подобно товару на рынке и ведёт себя в этой ситуации соответствующим образом, как нормальный потребитель: нужный товар должен соответствовать требованиям приобретающей стороны, т.е. хорошо выглядеть, отличаться качеством и отвечать покупательской способности.

При внимательном рассмотрении описанного в «Повести временных лет» «избирания» князем Владимиром приемлемой для его государства религии – не более чем результат рационального подхода к делу и сложившихся исторических обстоятельств.

Появление в Киеве представителей трёх основных монотеистических религий (христианство было представлено двумя конфессиями – византийской и латинской) описаны летописцем *post factum*, в 1113 году, более чем через столетие после состоявшихся в 986—988 годах событий, то есть когда восточный христианский обряд уже стал единственной официально поддерживаемой государством конфессией на землях восточных славян. Автор ПВЛ, монах Нестор, безусловно, был одним из тех, кто имел прямое отношение к государственной власти и тесно связанной с ней церковной элитой. Этим и объясняются «краски», в которых он описал мотивацию выбора князя.

Немаловажен в этом контексте и тот факт, что киево-печёрский монах составил текст ПВЛ, «существенно переработав предшествующий ей Начальный свод» 70-х годов предыдущего столетия⁴⁵. А дошедший до нас текст ПВЛ, входящий в Ипатьевскую летопись, датиру-

⁴⁵ «Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук» (см. <http://>

ется концом 1420-х годов, и нет никаких гарантий, что переписчики его не «отредактировали». Поэтому неудивительно, что все предложенные князю Владимиру варианты веры преподносятся в летописи в негативном виде, и только уже существующее более столетия и к началу XII века (тем более к XV) укрепившееся в его государстве христианство в византийском варианте подано в исключительно радужных тонах.

Нельзя обойти вниманием, что главной целью Владимира является выбор *некой* религии. Изначально великим князем движет не вера, но желание и понятая им необходимость иметь идеологическую основу для создания задуманного государства.

Согласно ПВЛ, представители разных вероисповеданий использовали для внушения князю Владимиру свои, на их взгляд, убедительные аргументы, которые могли бы привлечь варяга. История не терпит сослагательного наклонения, и если бы кн. Владимир избрал тогда более подходивший его любвеобильности⁴⁶ ислам, то судьба восточных славян сложилась бы совершенно иначе. Кроме реальных положительных моментов, которые молодому киевскому государству давало духовно-политическое сближение с могущественным христианским центром Византией, положение спасло, судя по всему, уже упоминавшееся отношение варяга к «вину». По свидетельству автора ПВЛ, окончательный вердикт об отказе от ислама был вынесен знаменитой фразой:

«Веселие Руси есть пити, не можем без того быти».

Обычно в учебниках, даже университетских, просто упоминается о том, что Владимир разослал своих послов в разные страны на предмет выбора веры, но всегда лучше познакомиться с оригиналом этих «торгов». Особенно любопытна очень далёкая от религиозного восприятия, рациональная аргументация Владимира, отвергающего поступавшие предложения:

ПВЛ (год 6494 (986)). «Пришли булгары⁴⁷ магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?». Они же ответили: «Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен⁴⁸, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех; та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том, если здесь богат, то и там», и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо – обрезание и воздержание от сви-

www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869, часть «Вступление» [02.11.2014]).

⁴⁶ ПВЛ, часть «год 6496 (988)».

⁴⁷ Имеются в виду «волжские булгары», прародители современных чувашей и казанских татар.

⁴⁸ Автор ПВЛ имеет в виду 72-х девственников (гурий), положенных праведникам и мученикам мусульманам в раю. Согласно хадисам (арабск. – предание о словах и действиях пророка Мухаммада, затрагивающее разнообразные религиозно-правовые стороны жизни мусульман, сумма которых образует одну из основ Шариата – Сунну. Хадисы составлялись на основании свидетельств ближайших последователей Пророка), они будут обладать следующими качествами, которые, очень вероятно, были перечислены мусульманами любвеобильному кн. Владимиру. Внешность: широкие красивые глаза; подобные жемчужинам; без кожного волосяного покрова (кроме бровей и волос на голове); красивые; белые; высотой в 60 локтей (27,5 м); шириной в 7 локтей (3,1 м); прозрачные до мозга костей; вечно юные; сверстницы. Черты характера: скромность, выраженная потупленным скромным взглядом. Сексуальные качества: не имели близость ни с кем ранее; девственницы; полногрудые; необвисшие груди; аппетитные вагины. Прочие качества: великолепные красавицы; чистые; не будут мочиться и испражняться, плевать или иметь какие-либо носовые сокрытия. А в отношении мужчин в раю в авторитетном хадисе от ибн Маджа (Абу Абдуллах Мухаммад ибн Язид ибн Маджа аль-Раби аль-Казвини, годы жизни 824—887, уточняется: «Абу Умама (один из прямых сподвижников Пророка Магомета. – Прим. автора) сообщил, что Посланник Аллаха сказал: «Аллах не впустил никого в Рай, не женив его на 72-х женах, две будут девственными (гуриями) с большими глазами, а 70 будут унаследованы от обитателей Огня. Каждая из них будет обладать доставляющим наслаждение влагищем, а у него (мужчины) будет половой орган, который не будет опускаться во время совокупления» (Сунан Ибн Маджа, 4337).

ного мяса, а о питье и подавно сказал: «Руси есть веселие пить: не можем без того быть». Потом пришли немцы из Рима, говоря: «Пришли мы, посланные папой», и обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: «Земля твоя такая же, как и наша, а вера ваша не похожа на веру нашу, так как наша вера – свет; кланяемся мы Богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги – просто дерево»». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?». И ответили они: «Пост по силе; «если кто пьет или ест, то все это во славу Божию», – как сказал учитель наш Павел». Сказал же Владимир немцам: «Идите откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого». Услышав об этом, пришли хазарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Авраамова, Исаакова и Иаковля». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?». Они же ответили: «Обрезаться, не есть свинины и заячины, соблюдать субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?». Они же сказали: «В Иерусалиме». А он спросил: «Точно ли она там?». И ответили: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?».

Картина совершенно меняется, когда в Киев прибывает человек, явно образованный и подготовленный к такой миссии. Даже с учётом того, что летописец мог приукрасить или изложить, несколько изменив реально состоявшиеся события встреч (и):

ПВЛ (год 6494 (986)). «Затем прислали греки к Владимиру философа, так сказавшего: „Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру; вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они более всех людей, уподобились жителям Содомы и Гоморры, на которых низверг Господь горящий камень и затопил их, и потонули, так вот и этих ожидает день погибели их, когда придет Бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверное делающих. Ибо, подмывшись, поливаются этой водой и вливают ее в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну, и еще даже большую: скверну совокупления вкушают“. Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал: „Нечисто это дело“. Сказал же философ: „Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима научить вас вере своей. Вера же их немного от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на облатках, о которых Бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: „Это есть тело мое, ломимое за вас“. Так же и чашу взял и сказал: „Это есть кровь моя нового завета“. Те же, которые не творят этого, неправильно веруют“. Сказал же Владимир: „Пришли ко мне евреи и сказали, что немцы и греки веруют в того, кого мы распяли“. Философ ответил: „Воистину веруем в того; их же пророки предсказывали, что родится Бог, а другие – что распят будет и погребен, но в третий день воскреснет и взойдет на небеса. Они же одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества их, когда сошел он на землю, был он распят и, воскреснув, взойшел на небеса, от них же ожидал Бог покаяния сорок шесть лет, но не покались, и тогда послал на них римлян; и разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве“. Владимир спросил: „Зачем же сошел Бог на землю и принял такое страдание?“. Ответил же философ: „Если хочешь послушать, то скажу тебе по порядку с самого начала, зачем Бог сошел на землю“. Владимир же сказал: „Рад послушать“. И начал философ говорить так:...

Далее в летописи приведена очень длинная «катехизационная» речь философа, первого из специально подготовленных священнослужителей, которые чуть позже массово и организовано будут направлены хитроумными византийцами на Русь, но не только с целью нести

Слово Божие тёмным язычникам... Да и подробность изложения этого «катехизиса» вызывает вопросы: вряд ли великий князь имел стенографистку.

Несмотря на подготовку, предложенный философом-греком «товар» ещё вызывает недоверие у решившего во что-нибудь поверить Владимира, несмотря даже на «наглядную агитацию», использованную византийцем для подкрепления своих аргументов:

ПВЛ (год 6494 (986)). «Когда апостолы учили по вселенной веровать Богу, учение их и мы, греки, приняли, и вся вселенная верует учению их. Установит же Бог и день единый, в который будет судить живых и мертвых, и воздаст каждому по делам его: праведникам царство небесное и красоту неизреченную, веселие без конца и бессмертие вечное; грешникам же страдания в огне, червь неусыпающий и муки без конца. Таковы же будут мучения тем, кто не верит Господу нашему Иисусу Христу: будут мучиться в огне те, кто не крестится». И, сказав это, (философ) показал (Владимиру) завесу, на которой изображено было судилище Господне, указал ему на праведных справа, в веселии идущих в рай, а грешников слева, идущих на мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева». (Философ) же сказал: «Если хочешь с праведниками по правую сторону стать, то крестись». Владимиру же запало это в сердце, и сказал: «Подожду еще немного», желая разузнать о всех верах. И дал ему Владимир многие дары и отпустил его с честью великою».

Остаётся впечатление, что великий князь не так уж негативно отнёсся к приходившим к нему представителям мусульман, католиков и иудеев. Иначе как объяснить тот факт, что уже на следующий год он отправляет своих послов для проверки и прояснения ситуации:

ПВЛ (год 6495 (987)). «Созвал Владимир бояр своих и старцев городских и сказал им: «Вот приходили ко мне болгары, говоря: «Прими закон наш». Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира. И удивительное рассказывают, будто бы и другой свет есть – и чудно слушать их, – если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то по смерти снова восстанет, и не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? что ответите?». И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь поистине все разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, какая у кого служба и кто как служит Богу». И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их и службу». Они же отправились и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: «Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю». Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к цесарю. Цесарь же спросил их: «Зачем пришли?». Они же рассказали ему все. Услышав это, цесарь обрадовался и в тот же день оказал им почести великие. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские, разузнать о вере нашей, приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу Бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила зажгли, и устроили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов, и рассказав им о служении Богу своему. Они же были в восхищении, дивились и хвалили их службу. И призвали их цесари Василий и Константин (sic! Самые заинтересованные в налаживании отношений с агрессивными соседями с севера лица. – Прим. автора), и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь бояр своих и старцев, и ска-

зал Владимир: *«Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними», – и обратился к послам: «Говорите перед дружиною». Они же сказали: «Ходили прежде всего в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, называемом мечетью. Стоят там без пояса и, сделав поклон, садятся и глядят туда и сюда, как безумные, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не хороши закон их. И пришли мы к немцам и видели их службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали мы – на небе или на земле: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь жить». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы бабка твоя Ольга крещения, а была она мудрейшей из всех людей». И спросил Владимир: «Где примем крещение?». Они же сказали: «Где тебе любо».*

«Любо» великому князю было, естественно, в самом могущественном на тот момент государстве – Византийской империи.

Впрочем, часть описанной в «Летописи временных лет» истории о выборе веры едва ли не представляет собой поэтизированную притчу, в которой умалчивается о настоящих мотивах выбора кн. Владимира.

На основании свидетельства послов, отправленных для ознакомления с качеством различных вероисповеданий, все отвергнутые «варианты», в отличие от избранного византийского православия, описаны (естественно, *post factum*) в ПВЛ в негативных тонах.

Вне всякого сомнения, эстетическая сторона в восприятии религии занимает далеко не последнее место. Яркий и богатый интерьер византийских храмов явно выигрывал в глазах послов князя Владимира в сравнении с увиденными ими немногочисленными в то время храмами Западной Европы, построенными в соответствии со строгими канонами оборонной архитектуры Меровингов и Каролингов. Тем не менее, для такого серьёзного шага, как выбор веры, одной эстетики недостаточно, поэтому не очень убедительно выглядит описанная летописцем дружная поддержка решения князя его приближёнными. Как опытный, состоятельный и дальновидный потребитель, кн. Владимир останавливает свой выбор на самом качественном и ценном из того, что ему предложено. И начинает «торговаться»: вслед за благолепно описанным решением о принятии веры в ПВЛ, следует рассказ об осаде важного византийского города Херсонес (Корсунь), где по преданию этот самый акт крещения великого князя впоследствии и состоялся. Город взят только с помощью некоего предателя Анастаса, подсказавшего, что надо перекрыть подачу воды осаждённому, но для Владимира, согласно летописи, это окончательный аргумент для принятия Учения Иисуса: *«Если сбудется это, сам крещусь!»*.

Но и это не всё. Одним из условий принятия так поразившей княжеских послов веры (точнее, христианской конфессии, но термин «вера» принято употреблять среди многих, не очень грамотных в этих вопросах верующих) было исполнение приверженцами этой самой «веры» (византийцами) условия женитьбы на «багрянородной» Анне, не горевшей желанием сочетаться таким браком. Для неё и для византийской монархии такой союз с иностранцем, да ещё и язычником, был совершеннейшим мезальянсом, на который императорский двор пошёл не сразу, но только под давлением обстоятельств: очень нужны были наёмники для решения своих проблем и... потому, что в качестве платы за невесту грекам было предложено возвращение стратегически важного для них, захваченного великим князем Херсонеса и отказ от похода на Константинополь. Сделка состоялась.

Любопытны дальнейшие события, очень похожие на заранее задуманную пьесу, сыгранную не для византийцев, но для приближённых князя из числа сомневающихся. И задумана

она была, скорее всего, византийцами, известными своим искусством плести сложные политические интриги.

Великий князь перед самым прибытием невесты неожиданно потерял зрение, естественно, «по божьему промыслу». В это же время Анна, которая «*попрощалась с близкими своими с плачем и отправилась через море*», прибыв в Херсонес и узнав о постигшей жениха беде, заявила:

ПВЛ (год 6496 (988)). «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не сможешь избавиться от недуга этого». Услышав это, Владимир сказал: «Если же так и будет, то поистине велик Бог христианский». И повелел крестить себя».

После такого поворота событий даже самые недоверчивые из приближённых князя должны были лишиться последних сомнений. Поэтому незамедлительно (во всяком случае, летописец описывает это событие сразу же после факта прозрения):

ПВЛ (6496 (988)). «Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тот тотчас же прозрел. Владимир же, увидев свое внезапное исцеление, прославил Бога: „Теперь познал я истинного Бога“. Многие из дружинников, увидев это, крестились» и «после крещения привели царицу для совершения брака».

Участие византийцев в заблаговременном планировании этих событий подтверждается ещё и тем, что Анна прибыла в Херсонес с «царицыными попами», которые проследовали с ней далее – к новому месту жительства. Судя по всему, там им было предназначено стать центром распространения новой (византийской) веры и, соответственно, культуры среди населяющих обширные территории восточных славян.

Итак, искушённые в дипломатии греки получили возможность извлечь двойную пользу из неудобной и неординарной ситуации с вынужденным бракосочетанием представительницы императорской семьи и безродного язычника: не только свели до минимума риск военной угрозы Византии с севера, но и сделали угрожавших им варваров своими вассалами в культурном смысле.

Князь Владимир, со своей стороны, получил идеологическую базу, необходимую для создания и оформления достаточно цельного государства, а также надёжную и имеющую опыт взаимодействия с государственной властью структуру – митрополию, возглавляемую греком и, *volens nolens*, состоявшую на первых порах исключительно из греков-византийцев.

Справка. С момента создания в 988 году и до получения автокефалии (относительной независимости от Константинопольского патриарха) в 1461 году из 39 митрополитов Киевской митрополии не были греками по происхождению всего два-три, но все они без исключения утверждались и смещались Константинопольскими патриархами.

Приобретённая таким образом «греческая вера» стала своего рода национальной идеей (духовной основой), более важным компонентом в создании государства, чем личный авторитет руководителя и сила.

Православие предлагало новый, незнакомый ранее восточным славянам вид и уровень культуры, который впервые в истории восточных славян подразумевал введение и распространение такой неотъемлемой части культурного развития, как образование, ставшее необходимым условием для построения цельного государства. По тайному замыслу византийцев или по обоюдному соглашению между ними и кн. Владимиром, «царицыны попы», прибывшие

с киевским князем из Херсонеса после крещения, незамедлительно и параллельно с распространением новой веры занялись созданием первой и остававшейся на протяжении многих веков единственной образовательной системы на восточнославянских землях:

ПВЛ (6496 (988)). «И по другим городам стал ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них, ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых.

Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: «В те дни услышат глухие слова книжные, и ясен будет язык косноязычных». Не слышали они раньше учения книжного...»⁴⁹.

Через это «учение книжное», первоначально осуществлявшееся исключительно прибывшими из Византии священниками, в употребление постепенно входили незнакомые ранее термины, не только связанные с литургической жизнью и теологией, но и те, которые ранее не существовали в восточнославянской среде на бытовом уровне: *тетрадь, педагог, школа, Библия, Евангелие, ангел, апостол, икона, просфора, каталог, антология, хрестоматия, алфавит, эпоха, эхо, герой, политика, диалог, археология, морфология, синтаксис, фонетика, грамматика, арифметика, математика, фантазия* и т. п.

Вместе с новыми словами получило широкое распространение и греческое слово «*ροῦσιος*» [русиос], от которого в силу лингвистических особенностей старославянского языка было отброшено окончание «(ι)ος», обозначающее в греческом слово мужского рода в именительном падеже или принадлежность к кому-то или чему-то (господский – *αρχοντικός*; княжеский – *πριμενικός*; кипрский – *κύπριος*; арабский – *αραβικός*; германский – *γερμανός*).

Логично предположить, что и термин «рус» вошёл в обиход восточных славян в этот же период вместе со взятой из греческого богословской и литургической терминологией. Греческие монахи, стоявшие у основ восточнославянской образовательной системы, для обозначения принадлежавших к правящему сословию лиц вполне могли ввести в словарный запас уже существовавшее в их языке слово «*ροῦσιος*» [русиос], которое совершенно естественно употребляет около 969 года Лиутпранд Кремонский, приводя для своих читателей его транскрипцию латинскими буквами: «*rusios*».

Понимая важность создания прочной государственной идеи, вместе с физическим подчинением пока ещё не зависимых от его власти подданных св. Владимир незамедлительно сосредоточил свои усилия именно на идеологической стороне дела.

ПВЛ (6496 (988)) «На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр...»⁵⁰.

Не все знают, что Равноапостольный для Православной Церкви кн. Владимир не внесён в список святых Римско-Католической Церкви, но почитается только греко-католиками.

Экскурс. Случай в истории не уникальный. Почитаемый всеми Восточными Православными Церквями (прежде всего – греческой и российской) Равноапостольный император Константин даже не внесён в «Римский мартиролог» (официальный список святых), и на то имеются веские основания. Уравнявший христианство (не «введший», как часто

⁴⁹ «Повесть временных лет», часть «6496 (988)». Цит. по: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869\[25/10/2014\]](http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869[25/10/2014]) свободный.

⁵⁰ «Повесть временных лет», часть «6496 (988)». Цит. по: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869\[25/10/2014\]](http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869[25/10/2014]) свободный.

пишут!) в правах «Медиоланским эдиктом» (313 год) с существовавшими в Риме в начале IV века многочисленными религиями, сам Константин, вполне возможно, не крестился. Есть только предположение, что он сделал это на смертном одре в 337 году. Перед лицом смерти в те времена на всякий случай прибегали к услугам всех имевшихся «под рукой» служителей многочисленных культов, существовавших в достаточно толерантной в религиозном плане Великой Римской империи. Но даже если Константина крестили, то совершить обряд крещения мог только один из епископов-последователей Ария, отлучённого от тогда ещё единой Церкви (того самого, которому Никола Угодник разбил лицо на Никейском соборе 325 г.). Предположительно, это был близкий к императору епископ-арианин Евсевий Никомедийский (*Eusebio Nicomediano*; *Eusebio di Nicomedia*). Второй причиной, по которой имп. Константин не считается святым римо-католиками, служит некрасивая история, связанная с его второй женой Фаустой (*Fausta Maxima Flavia*, годы жизни 289 или 290—326 гг.). Первая супруга Константина, Минервина (*Minervina*), умерла по неизвестным причинам в 307 году, оставив ему наследника-первенца Флавия Юлия Криспо (*Flavius Iulius Crispus*, годы жизни 302—326 гг.). Вторая жена императора, Фауста родила императору Константину трёх сыновей, но первенцами они не были, что очень огорчало вторую супругу императора, так как ей очень хотелось увидеть на троне как минимум своего «старшенького» (императорами впоследствии побыли все три – Константин II, Костанций I и Костант I). Фауста обвинила Криспа в сексуальных домогательствах к ней. Император в ярости не только приказал его казнить, но и приговорил к высшей мере наказания Великой Римской империи – *damnatio memoriae* (букв.: приговор памяти; означало полное забытие, подразумевавшее уничтожение всех материальных свидетельств о человеке, том числе монет, памятных надписей, документов и т.д.). Но очень скоро правда «всплыла наверх», и Константин приказал налить слишком горячую воду в домашний бассейн, в котором любила купаться Фауста... После ужасной смерти её, как и оклеветанного Криспа, приговорили к *damnatio memoriae*. Эти обстоятельства и послужили для римо-католиков причиной воздержания от причисления Константина Великого к лику святых, хотя в некоторых локальных католических церквях под греческим влиянием (в Сардинии и украинских греко-католиков, к примеру) он всё же почитается как святой.

Кроме коварного и жестокого убийства братьев, конкурентов на получение верховной власти, по свидетельству монаха Нестора, до крещения моральный облик кн. Владимира, ставшего позднее Равноапостольным, терялся в «женском вопросе»:

ПВЛ (год 6488 (980)). «Был же Владимир побежден похотью, и были у него жены: Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится село Предславино, от нее имел он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода – и двух дочерей; от гречанки имел он Святополка, от чехини – Вышеслава, а еще от одной жены – Святослава и Мстислава, а от болгарки – Бориса и Глеба, а наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове, в селе, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц».

Не соответствуют святости и обстоятельства женитьбы кн. Владимира на полоцкой княжне Рогнеде:

ПВЛ (год 6488 (980)). «И послал к Рогволоду в Полоцк сказать: „Хочу дочь твою взять в жены“. Тот же спросил у дочери своей: „Хочешь ли за Владимира?“ Она ответила: „Не хочу разуть Владимира, но хочу за Ярополка“. Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Туры держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды – дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов – варягов, словен, чуди и кривичей – и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его Рогнеду взял в жены».

Одна из причин нежелания Рогнеды выйти замуж за кн. Владимира – его происхождение. Он был сыном рабыни-ключницы Малуши и кн. Святослава, кн. Ольга приходилась Владимиру бабушкой. По другой версии, она состояла при кн. Ольге (уже христианке) в качестве раздатчицы милостыни и, скорее всего, была христианкой. Её связь со Святославом вполне могла быть расценена неофиткой (новообращённые почти всегда отличаются строгостью в исполнении заповедей) Ольгой как грех прелюбодеяния. Этим и можно объяснить высылку беременной Малуши в далёкое от Киева село Будутино (Будятин), что на Псковщине. Говорили, что прожила она «до ста лет» и была кем-то вроде вещуньи: «мать-старушка, едва державшаяся в креслах, но вещунья прозорливая. В большой годовой праздник ее внесли на креслах в гридницу, где сидел король с дружиной, и она предсказывала, что будет в наступающем году. Однажды ее внесли на такое собрание и она сказала: «Не вижу в этом году ни войн, ни бедствий для твоей страны, но вижу великое событие: там, на севере, в Норвегии родился королевич (норвежский конунг Олаф. – Прим. автора), который будет воспитан здесь, на Руси (служил некоторое время предводителем новгородской дружины. – Прим. автора), и сделается великим государем, твоей земле будет защитником и миротворцем и прославит твоё имя, в цвете лет получит своё королевство и засияет ярким сиянием, многим народам северных стран будет полезен, но недолго будет царствовать. Довольно, унесите меня».⁵¹

Предварительно он изнасиловал будущую супругу на глазах родителей (убил он их чуть позже) по рекомендации Добрыни, дяди по материнской линии, который обиделся на презрительное отношение полоцкой княжны к происхождению его родной сестры, назвавшей Владимира «робичичем» (сыном рабыни)⁵².

Справка. Можно, конечно, сделать скидку на исторические условия, мораль и нравы тех времён, но всё же налицо изнасилование с убийством родителей, что и могло послужить препятствием для признания кн. Владимира святым для римо-католиков... В Греции и на Руси на эти «мелочи» внимания не обратили то ли по неосведомлённости, то ли по каким-то иным, продуманным, причинам. Впрочем, возможно, это особенности менталитета. С XIX века одной из любимых застольных песен русских людей является «Из-за острова на стрежень» (считается народной, хотя слова к ней написал Дмитрий Садовников), в основе сюжета которой – изнасилование с убийством пьяным разбойником Степаном Разиным взятой им в плен красавицы персидской княжны.

⁵¹ См. http://www.old-pskov.ru/knyaz_vladimir3.php [09.08.2015].

⁵² Карпов А. Ю. Владимир Святой. Москва. 1997 г. С. 92—93.

И если о вероисповедании прочих жён Владимира можно только догадываться, то с Рогнедой всё ясно: она в какой-то момент стала христианкой, а по некоторым сведениям к концу жизни и вовсе приняла постриг.

Выслав покушавшуюся на него Рогнеду (от смерти её спасло вмешательство малолетнего Изяслава, вставшего на защиту матери с мечом в руках), Владимир фактически положил начало династии Рюриковичей на территории, которую чуть позже назовут Белой Русью.

Основным формальным условием крещения великий князь поставил опять же «женский вопрос» – женитьбу на сестре императора Константина VIII Анне. Ради политических интересов и личных амбиций, сконцентрированных в идее породниться с Константинопольским императорским двором, Владимир якобы (по дипломатичному выражению многих источников) отказывается от всех своих жён и наложниц. Но возникает вопрос: «отказывается» – это как? Идите с Богом, куда хотите? А куда могли пойти эти женщины?..

По приведённому выше утверждению монаха Нестора, у крестителя Руси было 800 наложниц. Вряд ли Владимир был в состоянии выдать их замуж за своих приближённых, как предлагал в своё время Рогнеде. Скорее всего, бывших женщин князя ждала незавидная судьба. Выйти замуж наложнице без прямого приказа жениться, отданного великим князем какому-либо из своих подданных, было сложно. Сведений о наделении их имуществом у Нестора тоже нет...

Надо отдать должное политическому видению ситуации кн. Владимиром, пожертвовавшим судьбой своих жён и наложниц ради государственных интересов. Политика всегда была делом, крайне мало связанным с моралью и порядочностью.

Предложенная варягами структура построения социума оказалась как нельзя кстати. Жившие на обширных территориях восточнославянские племена не имели острой нужды в перемещениях на длинные дистанции, так как вполне довольствовались различными лесными промыслами, земледелием и теми видами скотоводства, которые не требовали кочевания. Поэтому сами они с ближайшим христианским центром Византией до тех пор не были знакомы по объективным причинам. В отличие от варягов, у них просто не было ни нужды, ни возможностей отправляться в дальние и рискованные путешествия, оставляя свои экономически привязанные к земле хозяйства. К тому же, имея в распоряжении практически неограниченные пространства, наследственные отношения среди славян решались не так жёстко, как на Скандинавском полуострове. У детей, не получивших наследство от отца (или получивших слишком мало), всегда была возможность занять другой участок земли где-то поближе. Острого недостатка в земле не было, но всё это не исключало проблем внутренних раздоров на почве власти и собственности, к которым восточные славяне уже вплотную подошли в результате своего экономического развития, то есть уже «занесли ногу» в феодальные отношения.

Сложилась уникальная в истории ситуация – варяги-язычники взяли на себя функции западноевропейских миссионеров, обратив восточных славян в христианство не по римской схеме «снизу вверх», но наоборот, по византийскому образцу – от власти предрежащих к простолюдинам, что, кстати, свело до минимума количество восточнославянских мучеников-христиан, роль которых выпала на долю не желавших креститься язычников. Христианских же мучеников, культ которых является неотъемлемой частью всех древних христианских традиций, на восточнославянских землях пришлось создавать едва ли не искусственно из среды тех же осевших на них варягов, но не славян в чистом виде.

См. жизнеописание первых святых мучеников Фёдора Варяга и его сына Иоанна, согласно дошедших до нас сведений, погибших не по религиозным мотивам, а по той причине, что отец отказался выдать своего сына для жертвоприношения (произошло это ещё до принятия христианства св. Владимиром, поэтому речь не идёт о каком-то гонении, но о частном

случае). Единственным мотивом для того, чтобы считать св. Фёдора Варяга христианином, является то, что он достаточно время служил наёмным воином в Византии. Популярнейшие святые восточного христианского обряда (кроме Русской Православной Церкви, они почитаются в Болгарии, Сербии и украинскими греко-католиками) Борис и Глеб (сыновья варяга кн. Владимира и византийской принцессы Анны-«болгарыни» (по Нестору) из Византийской Македонской династии) погибли не за мужественное свидетельство своей веры в Христа, но по банальным причинам, связанным с наследованием власти и имущества (княжеств). Любопытно, что оба брата, покорно принявшие смерть (то есть безропотно подчинившиеся силе), стали почитаться святыми едва ли не сразу после кончины. А вот их брат Святослав Древлянский, попытавшийся бежать, но будучи настигнутым, оказал сопротивление, канонизирован не был... Возможно, это объясняется тем, что варягам, создававшим государственные образования «сверху» и использовавшим для этого восточную форму христианства как идеологическую основу, такой пример неподчинения был не очень удобен. Применяемый в отношении Бориса и Глеба синоним «страстотерпцы» никакой религиозной подоплёки не имеет. В их случае это просто насильственная смерть, принятая практически неосознанно и не по своей воле. Мученичество за веру в массовом виде появилось у восточных славян только в период после Революции 1917 года и особенно во время сталинских репрессий. Исключение составляют старообрядцы, но это совершенно иная история.

Очевидно, что для принятия новой религии и именно в византийском варианте у киевского князя-скандинава были и другие основания, о которых автор ПВЛ не упоминает. По сути, варяги выбрали греков, которые *de facto* и «сделали» их русами. Оснований для этого было достаточно. Приведём только некоторые из них:

1. Перед Владимиром стояла задача создания прочной социальной структуры – государства, необходимого ему для выживания лично и его соплеменников на восточнославянских землях. Для объединения под своей властью приобретённых подданных нужна была некая объединяющая идея, без которой длительное существование централизованного государства практически невозможно.

2. Скандинавы, передвигавшиеся по пути «из варяг в греки», оценили и приняли христианство византийского, а не латинского обряда, среди прочего по той причине, что с западными христианами они изначально враждовали, а в Константинополь пришли в качестве торговых людей и наёмников, часто исполнявших функции личной гвардии не только высших сановников, но и императоров, то есть получили прекрасную возможность в спокойной обстановке познакомиться с новой религией, на базе которой существовало могущественное Византийское государство.

Справка. Отряды наёмников-скандинавов так часто использовались византийскими императорами в качестве личной гвардии, что для их командира придуман специальный титул – «ἀχολούτιος» (аколутбос). О статусе аколутбоса можно судить по тому, что, в отличие от прочих сановников, он мог находиться в присутствии императора с луком или каким-либо другим видом оружия. Гвардейцы во главе со своим командиром сопровождали императора во время появлений на публике, в том числе и во время больших религиозных праздников, во время боевых действий и даже выполняли деликатные дипломатические поручения. – См.: «Fontes Historiae Daco-Romanae III. Scriptores Bizantini saec. XI – XIV», Institutum studiorum Europae

Meridionalis-orientalis, Bucharest MCMLXXV, p. 25; Sigfús Blöndal «The Varangians of Bzantium» (chap. «Haraldr Sigurðarson»), Cambridge University Press, New York, 1981. С. 63.

3. В геополитическом смысле Византия была намного более притягательна для молодого Киевского государства, чем «латинская» Священная Римская империя, даже не имевшая с ним общей границы. Кроме того, последняя в этот период уступала Византии в культурном и экономическом развитии. Западная Европа, объединённая в идеологическом смысле латинским обрядом, в тот период, неудачно обозначенный термином «средние века», явно проигрывала великолепию и изысканности Византийской Церкви.

4. Нельзя забывать о моральном разложении тогдашней элиты Римской Церкви. В конце IX – начале X веков на папском престоле царила полнейшая неразбериха: папы сменяли один другого с удивительной быстротой, иногда задерживаясь на нём всего на несколько месяцев или даже недель. Моральный облик большинства пап того времени заставлял желать лучшего. Не стоит забывать, что, когда послы князя Владимира выбирали подходящую религию, ещё свежи были воспоминания о фактически правящей Папским (Церковным) государством сожительнице Сергия III (870—911 гг.) *veneris exercitio et scortum impudens*⁵³ Теодоре (870—916 гг.) и её дочери Марии (Mariozza, Marozia, 892—955 гг.), любовнице того же папы, от которого, по словам Лиутпранда Кремонского, у неё родился будущий Папа Иоанн XI (910—935 гг.); сохранились и воспоминания о «Трупном синоде» («*Synodus horrenda*») 897 года, с последствиями которого так или иначе пришлось разбираться нескольким папам первой половины X века.

5. Византийский двор в это время также не был примером высокой морали, но в одном он, безусловно, был предпочтительнее для князя Владимира, стремившегося создать собственное единое государство. Церковная власть в Восточной Римской империи, начало которой было фактически положено императором Константином, по традиции находилась в социальной иерархии на ступеньку ниже светской власти. Поэтому установление изначально зависимой от константинопольской иерархии церковной структуры было более привлекательным для кн. Владимира, нежели создание Церкви, верховная власть которой принадлежит главе хоть и далёкого, но полноценного государства – Папской области (основана в 752 году). Кроме того, создать самостоятельную структуру такого рода князь-скандинав не мог по многим причинам, поэтому и пошёл на осознанный шаг: взял готовую, проверенную временем и вполне устраивающую его систему.

⁵³ «Устройство для половых упражнений» и «бесстыдная блудница» – эти термины употребил в отношении названных дам Лиутпранд Кремонский (цит. по: Enza Colonna «Le poesie di Liutprando», Edipuglia, 1996. С.144).

Глава 5. Русь, какая ты?

О происхождении термина «русь» существует достаточно много гипотез, часто противоречащих друг другу. Свои предположения по этому вопросу высказывали западноевропейские, русские, норманнские, византийские, арабские, осетинские авторы. Все они спорны и наравне с логичными аргументами содержат много взаимоисключающей информации. Это вполне объяснимо, потому что на протяжении столетий термин «русь» не только изменялся по сути, то есть в силу объективных и субъективных причин, но менялась и его смысловая нагрузка, формируя устойчивые коллективные ассоциации. Нередко термин «русь» был предметом многочисленных политических спекуляций, что давало повод к различным толкованиям, путаному употреблению этого слова и приводило в замешательство не только современников, но и следующие поколения исследователей и представителей широких социальных групп. Поэтому термин «русь» не может толковаться в каком-то одном неизменном виде, но надлежит воспринимать его с учётом лингвистических, временных, политических, исторических, географических и прочих нюансов.

Многочисленные путешественники, оставившие свои воспоминания о пребывании на землях, заселённых преимущественно восточными славянами и ассимилированными с балтскими племенами, чаще употребляли название «Русь» («Ru (o) ssia»), огулом обозначая им практически все земли, лежащие на востоке и юго-востоке Европы. Более конкретное деление Руси на составные части в сохранившихся описаниях встречается редко, что отчасти можно объяснить почти непрерывным изменением границ. Прежде всего это касается границ **Великого княжества Литовского** (Литовская Русь, Литва, Litva, Lithuania, Lituania pars, Alba Russia) и **Московского государства** (Moscovia, Moscovia pars, Regnum Moscovitum).

Русь Московская

Особую путаницу вызывала идентификация Руси как таковой и Руси московской. Многие европейские авторы XV – XVII столетий (период активного употребления термина «Русь» с уточняющими прилагательными, применявшимися для географического и политического обозначения той или иной территории) довольно чётко разделяли понятия «Русь» и «Московия». Как правило, Московское царство они называют «*Moscovia*», но в отношении различных касающихся его тем зачастую прибегают к латинскому прилагательному «*russian*» («русский»). Под такими понятиями, как «русский язык», «русские традиции», «русские люди» и так далее могли подразумеваться понятия, имевшие отношение как к восточным славянам вообще, так и к жителям отдельно взятых Литовской Руси или Московской Руси в частности. Это вносило и вносит немалую путаницу в определение границ как Руси в широком смысле (территория проживания всех восточных славян), так и в определении её составляющих, часто не только независимых друг от друга, но и враждовавших между собой. Пожалуй, основную роль в этом смешении понятий (контаминации) сыграла амбициозность различных правителей, именовавших себя властителями «**всея Руси**». Выдавая желаемое за действительное, благодаря политикам, историкам, а позднее журналистам и прочей публике, влияющей на формирование стереотипов, понятие «Русь» стало ассоциироваться почти исключительно с землями, подвластными государству с центром в Москве.

Во времена правления Алексея Михайловича Тишайшего вошли в обиход ещё два обозначения Руси – «Православная» и «Святая». Оба эти названия косвенно связаны с изменениями политического характера. В немалой степени этому способствовала попытка объединить Восточную и Западную Церкви на Флорентийском соборе (1438—1439 гг.), проведённом под знаком надвигавшейся угрозы со стороны Османской империи. Договориться не удалось.

Выступавший за объединение на условиях Запада московский митрополит, грек Исидор⁵⁴, оказался персоной нон грата, но впервые поднятые при нём проблемы остались. Вторым поводом для возвеличения Московского княжества в собственных глазах стал захват Константинополя (Царьграда) турками-османами (1453 г.).

В Великом княжестве Московском, параллельно с процессом освобождения от монголо-татар, выработалось неприязненное и даже высокомерное отношение к грекам, всё более нараставшее после падения Константинополя. Попавшие в зависимость от турецких властей (для большинства жителей недавно освободившейся от кочевников Московии турки мало чем отличались от монголо-татар) греческие священники самого разного уровня зачастили в Москву за «материальной помощью», что также не способствовало уважительному отношению к ним. Многочисленные попытки византийцев вразумить своих «младших братьев во Христе» различными способами – от увещательных до кардинальных – усугубляли дело. Еще в 1649 г. побывавший в Москве Патриарх Иерусалимский Паисий обратил внимание на некоторые «нововведения» в Московской Церкви. К мнению авторитетного предстоятеля древней Церкви прислушались и отправили с ним иеромонаха Арсения Суханова⁵⁵ для изучения восточных обрядов. Спустя два года в Москве побывал митрополит Назаретский Гавриил и тоже указал на отличие обрядов Московской Церкви от Византийской. Через год то же сделал и патриарх Константинопольский Афанасий. Но эти замечания приехавших за деньгами иерархов можно отнести к разряду увещательных советов. Иначе поступили афонские монахи: увидев в 1652 году церковные печатные книги из Московского княжества, они тотчас же сожгли их, признав еретическими.

Недоверительные отношения сложились у подданных московского государя и с единоверцами из ВКЛ. После заключения Брестской унии (1596 г.), в результате которой верующие Киевской и Литовской Руси, сохранив восточный обряд, перешли под юрисдикцию Римской Церкви, стали считаться схизматиками, отколовшимися от истоков своего вероисповедания. По этим и многим другим причинам греческие иерархи и ученые-богословы из ВКЛ, прежде всего из Киево-могилянской духовной академии, воспринимались как еретики.

Справка. С моральной точки зрения, это облегчало ведение непрерывных войн с ними. Во время одной из этих войн, по понятным причинам называвшейся дореволюционными и советскими историками Русско-польской, развернутой Алексеем Михайловичем Тишайшим в 1654—1667 гг. на территории современной Беларуси и частично Украины (до Речи Посполитой московские войска не дошли, так как были остановлены под д.

⁵⁴ Исидор, (1380-е—1463 гг., Рим) – митрополит Киевский и всея Руси (1436—1458 гг.), местоблюститель апостольского престола патриарха Антиохийского Дорофея (1439 г.), легат Папы Евгения IV для Польши, ВКЛ и Ливонии (с 1439 г.), кардинал-пресвитер (с 18 декабря 1439) с титулом римского храма Святых Марцеллина и Пьетро (1440 г.), камерленго Священной Коллегии кардиналов (1450—1451 гг.), кардинал-епископ Сабини (1451 г.), Апостольский администратор епархии Червиа (1451—1455 гг.), легат Папы Николая V в Константинополе (1452 г.), архиепископ Никосии (1456—1463 гг.), апостольский администратор архиепархии Корфу с 1458 по 1459 год, титулярный патриарх Константинопольский (1458—1463 гг.), декан Священной Коллегии кардиналов (1461—1463 гг.), гуманист, богослов, участник Ферраро-Флорентийского собора. Активный сторонник унии с Римской Католической Церковью. После возвращения в Москву был посажен в Чудов монастырь, бежал (скорее всего, не без участия Василия II) в ВКЛ, а оттуда в Рим. Участвовал в обороне Константинополя от турок. Был взят в плен, но не казнён, т.к. султану Мехмеду II предъявили труп другого человека в кардинальском облачении. Бежал в Грецию, а оттуда в Рим, где и продолжил свою деятельность в качестве высокопоставленного церковного сановника. Переписывался и встречался лично со многими выдающимися учёными его времени. Деятельность Исидора, поддерживавшего идею объединения Церквей, была основным поводом для провозглашения в 1448 году автокефалии Московской митрополии.

⁵⁵ Иеромонах Арсений (в миру Антон Путилович Суханов, 1600—1668 гг.) – церковный и государственный деятель, дипломат, церковный писатель-полемист, иеромонах, распорядитель московского Богоявленского монастыря, келарь Троице-Сергиева монастыря. Совершил несколько путешествий на Восток. Был специально направлен для приобретения древних церковных книг и рукописей (только на Афоне приобрёл более 500 экз.) с целью сравнения и исправления используемых Московской Церковью литургических и богословских книг. Автор рассуждений «Прения с греками о вере».

Полонка (совр. Барановичский р-н), от оружия, голода и болезней погибло более 40 процентов населения Литовской Руси.

Общее отношение к церковным проблемам середины XVII века выразил житель Великого княжества Московского, непосредственный участник событий, уже упоминавшийся иеромонах Арсений Суханов:

«И папа не глава Церкви, и греки не источник, а если и были источником, то ныне он пересох»; «вы и сами (греки) страдаете от жажды, как же вам напоять весь свет из своего источника?»

В обществе и литературе Московского княжества появилась и пустила глубокие корни мысль о перемещении центра восточного христианства в Москову, столицу единственного свободного и сильного восточно-христианского государства. Так в своё время появилась концепция «Москва — Третий Рим» (автор — старец псковского Елеазарова монастыря монах Филофей). Катализатором подобных идей послужила реформа, пожалуй, самого образованного из московских патриархов Никона, понимавшего, что во вверенной ему Церкви давно назрела необходимость исправления богослужебных книг. Попытки привести их в соответствие с византийскими оригиналами предпринимались и ранее, но успеха не имели по той причине, что образованных людей, знавших литургику, богословие и владеющих одновременно церковнославянским и греческим языками, попросту не было. Вот что сообщает об этом почти за век до реформы Никона опытный дипломат иезуит Антонио Поссевино (*Antonio Possevino, Possevin*), о поездке которого в Москву речь пойдёт ниже:

«Таким образом, раз они (жители Московии. — Прим. автора) знают только русский язык (здесь и далее в цитате язык ВКЛ. — Прим. автора), а греческий язык им недоступен, то нет никакой пользы от свода Флорентийского собора, изданного на греческом языке, который я передал в крепости Старице на реке Волге от имени Вашего Святейшества этому государю в присутствии многочисленного собрания приближенных. Там нет никого, кто понимал бы этот язык, если не считать того, о чем нам сообщили: в прошлом году из Византии прибыли некие греки, которые по поручению государя учат какого-то москвитя, чтобы тот взял на себя труд переводчика на этот язык. Но я думаю, что это скорее тот испорченный язык, на котором говорят нынешние греки, а не древний или тот, на котором отцы церкви писали книги и своды. Поэтому даже сама булла, или так называемый диплом, о единении, составленная Евгением IV и переданная нам в оригинале светлейшим кардиналом Сан-Северино, не могла быть полезна, хотя она была написана по-латыни, по-гречески и по-русски.

Ведь переводчик этого «Диплома» на славянский язык не знал особенностей русского языка, но составил какую-то смесь из боснийского и хорватского языков. Это заметили те, кого я привез с собой из русских земель (ВКЛ. — Прим. автора), находящихся под властью польского короля, и из Австрии. Они же позаботились, чтобы и самый «Диплом», и символ веры, изданный Пием IV, были переведены на современный русский язык. Я намереваюсь показать всё это в королевском лагере, куда тороплюсь, более сведущим людям и как можно скорее издать в Вильне. Таким путем это с божьей помощью сможет дойти до той части Руси, которая принадлежит польскому королю, и до той, что принадлежит великому князю московскому».

Помимо языковых проблем, грекам и прочим иноземцам, указывавшим на многочисленные ошибки, допущенные на протяжении веков по неграмотности, не доверяли априори. Вступать с ними в богословские дискуссии в Московском княжестве было некому. Поэтому в ответ на их замечания о несоответствиях обрядов (прежде всего «двоеперстие», «сугубое аллилуйя»,

«посолонь») противопоставлялся такой серьёзный аргумент, как *«предки наши молились так и спаслись. И мы от веры их не отойдём»*.

Большую часть этих несоответствий исправили, но далеко не все, так как многие из них укоренились на восточнославянской почве и исправлению не подлежали по названным и прочим серьёзным причинам. С чем пришлось столкнуться грамотным грекам можно представить по такому вопиющему примеру отхода от канонического евангельского текста, как двенадесятый (!) важнейший праздник «Вербное воскресение».

Справка. В Евангелии от Иоанна, наиболее древнего, составленного, как принято считать, любимым учеником Христа, ясно написано, что, встречая Христа, люди «взяли пальмовые ветви» (Ин 12,13). Это перекликается с идеей, выраженной в «Откровении Иоанна Богослова», где упоминаются люди в белых одеждах с «пальмовыми ветвями в руках» (Откр.7, 9). В обоих случаях речь идёт о даруемой Господом свободе и пальме как её символе. Евангелие это утверждено (что подразумевает категорическое запрещение вносить изменения!) на Никейском соборе (325 год) при активнейшем участии самого почитаемого на Руси святого – Николы Угодника. Праздник входа Иисуса в Иерусалим упоминается ещё в IV столетии Амвросием Медиоланским и одним из самых активных борцов с ересями (чит. «отклонениями от утверждённых Церковью канонов и традиций») Епифанием Кипрским. На Западе он был официально введён только к VII веку, а на Востоке, скорее всего, много раньше, то есть во времена, когда славяне даже не слышали о христианстве. Поэтому Русская Церковь получила его уже в «комплекте» праздников от греков вместе с крещением, но почему-то переименовала в «Цветоносную неделю» (литургическое название) или **«Вербное воскресенье»**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.